

HARLEQUIN®

Портия Да Коста

Телоть

18+

Их эмоции больше чем страсть...
Их любовные утехы больше
чем просто игра

Milady – Harlequin

Портия Коста

Плоть

«Центрполиграф»

2012

Коста П. Д.

Плоть / П. Д. Коста — «Центрполиграф», 2012 — (Milady – Harlequin)

Беатрис Уэверли, аристократка из обедневшей семьи, решилась на дерзкий поступок – позировать обнаженной перед фотокамерой своего жениха. Но негодяй злоупотребил ее доверием и ради наживы распространил откровенные снимки по всему Лондону. В викторианской Англии это стоило девушке потери доброго имени. Эротические фотографии случайно попали в руки Эдмунда Ритчи, успешного предпринимателя и скандально известного волокиты. Околдованный природной чувственностью Беатрис и зная, что она крайне стеснена в средствах, он предлагает ей кратковременную любовную связь в обмен на солидную сумму. Беатрис принимает непристойное предложение Ритчи. Намереваясь всего лишь расплатиться с долгами и заодно приобрести сексуальный опыт в объятиях искусного любовника, очень скоро она оказывается в плену его притягательной и загадочной натуры. А Ритчи, в свою очередь, обнаруживает, что редкая чувственность этой женщины способна не только дарить фантастические плотские удовольствия, но и врачевать убитую мрачным прошлым душу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	46
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Портня Да Коста

Плоть

Глава 1

Глаза дьявола

Лондон, 1890 год

– Ты знаешь вон того мужчину? – поинтересовался Чарли. – Поняла, кого я имею в виду? Высоченного наглого с виду типа, что стоит у входа в бальный зал и разговаривает с сэром Хорасом Рамбелу.

Беатрис Уэверли с трудом подавила вздох. Ее брат, когда слишком быстро напивался, забывал о хороших манерах, а нынешним вечером он поглощал шампанское с угрожающей скоростью.

– А еще я просил тебя надеть более консервативное платье. Что-нибудь темное и скромное, возможно, один из твоих вдовьих нарядов, – не унимался Чарли. – Но ты, конечно, меня не послушала, и смотри, к чему это привело. Клянусь, что, если этот тип сию минуту не перестанет пожирать тебя глазами, я подойду к нему и надеру ему уши!

«Хотела бы я посмотреть, как это у тебя получится, дражайший братец, – подумала Беатрис. – Судя по виду этого человека, он может прихлопнуть тебя одной рукой, точно муху».

– Прошу тебя, не обращай на него внимания, Чарли. Он совершенно меня не беспокоит. И я не нахожу в его поведении ничего оскорбительного и для тебя тоже.

Старательно отводя взгляд, Беатрис пила шампанское маленькими глоточками, намереваясь как можно медленнее опустошать бокал, памятуя о том, что произошло в прошлый раз, когда она выпила лишнего.

Однако, если уж говорить начистоту, мужчина, который откровенно рассматривал ее, *действительно* вызывал у нее беспокойство, но она испытывала желание совсем иного свойства, нежели причинить ему телесный вред. Сердце ее ускоряло бег, а по телу разливалась восхитительная истома всякий раз, когда она ловила на себе его жаркий взгляд. Смотрела Беатрис на него очень часто, потому что, вопреки прилагаемым усилиям, поступить иначе не могла. А он и в самом деле не сводил с нее глаз с тех пор, как они с братом вошли в зал.

Разумеется, когда объявили их с Чарли имена, практически *все* присутствующие развернулись, чтобы посмотреть на них. Беатрис как наяву слышала перешептывания: «Ах, глядите, это же она, Беатрис Уэверли, Сирена с Саут-Малберри-стрит, бесстыжая шлюха, которая позировала обнаженной для тех скандальных эротических карточек». Мужчины, у которых, вероятно, имелись упомянутые карточки, начинали похотливо пялиться на нее, стоило только их женам отвернуться. Женщины же принимались хмуриться и неодобрительно поджимали губы, будто опасаясь, как бы их мужья, преисполнившись страстью, не бросились к этой недостойной Сирене, не в силах противиться ее зову. Беатрис казалось, что даже слуги, неприметно шныряющие вокруг с подносами, украдкой посматривали на нее.

Сейчас первая волна общественной реакции уже схлынула, и сплетен поубавилось. Некоторые добропорядочные дамы, ратующие за чистоту нравов, предпочитали намеренно игнорировать Беатрис и Чарли, но большинство гостей вело себя с ними вполне дружелюбно и свободно.

«Полагаю, подобная общественная реакция на чей-то проступок, будь он эротического свойства или какого-то другого, является самой снисходительной, а скандалы случаются практически каждый день и гроша ломаного не стоят», – подумала Беатрис.

Но высокий темноглазый мужчина со светлыми волосами продолжал взирать на нее не менее пристально.

Беатрис испытывала физическую потребность снова посмотреть на него. Она чувствовала стесненность в груди и едва могла дышать, кроме того, внимание незнакомца оказывало определенное воздействие и на другие части ее тела. Это могло быть сравнимо с тем, как если бы она заявила в великосветский салон леди Сауверн, одетая точно так же, как она позировала для пикантных фотографий своего теперь уже бывшего возлюбленного Юстаса.

А именно – обнаженной.

Беатрис очень осторожно повернула голову и тут же залилась ярким румянцем, когда незнакомец кивнул ей в знак приветствия.

«Презренный негодяй! – мысленно возмутилась она. – Я уже сыта этим по горло!»

Беатрис смерила незнакомца взглядом, также едва заметно кивнув ему, чтобы соблюсти правила этикета. Этот человек казался ей смутно знакомым, будто она недавно где-то видела его фотографию. Очевидно, то был выполненный художником портрет в каком-нибудь периодическом издании и уж точно не в голом виде. При мысли об этом ее лицо и грудь порозовели, особенно принимая во внимание, что элегантный покрой костюма мужчины не мог скрыть заключенной в его теле огромной силы, способствуя таким образом игре ее воображения.

Незнакомец одарил ее улыбкой, самой головокружительной и дерзкой улыбкой, на которую только способен смертный мужчина. Беатрис залпом допила шампанское, будто то был лимонад, позабыв о своем намерении вести себя осмотрительно.

У него страстные губы, крепкие и четко очерченные, выделяющиеся на гладковыбритом лице, которое не принадлежало ни юноше, ни пожилому человеку, но одновременно и первому и второму. Такие губы намекали на ненасытный аппетит, который их обладатель вовсе не собирался скрывать. Беатрис вообразила, как он наслаждается роскошными яствами и дорогими винами, но непременно в умеренном количестве, получая удовольствие, но не предаваясь обжорству. Такие губы будут одаривать женщину жадными поцелуями до тех пор, пока она не станет задыхаться.

«Поцелуи, расточаемые этими губами, могут убедить женщину пойти на что угодно», – подумала она.

Так как мужчина стоял в противоположном конце зала, было невозможно рассмотреть цвет его глаз. Ей они показались черными, черными как ночь, таящими в глубине тайны и угрозы.

Почувствовав, что ей нечем дышать, Беатрис отвернулась. Виновата ли в этом Полли, слишком туго затянувшая ей корсет? Хотя Беатрис и не любила этот предмет своего гардероба, до сегодняшнего вечера он не причинял ей особых неудобств. По крайней мере, до тех пор, пока она не приехала на бал и не увидела *этого мужчину*. Теперь же ей хотелось распахнуть на себе корсаж платья и разорвать эту жуткую штуку, со всеми шнурами, крючками и прочими ухищрениями, в клочья.

Впуская воздух в легкие маленькими порциями, чтобы этот незнакомый и будоражащий ее мужчина не подумал, будто она задыхается, Беатрис сочла за лучшее повернуться к Чарли, который хмуро взирал на других людей, вызывающих у него недовольство.

Господин и госпожа Шамфлёр, с которыми они недавно познакомились, стояли в окружении небольшой, но очень оживленной группки чуть поодаль. Они весело болтали и смеялись. Тайком наблюдая за ними, Беатрис завидовала тому, как господин Шамфлёр с истинно французской галантностью целует затянутую в перчатку руку своей супруги. Этот жест застав-

лял задуматься о других поцелуях, которыми, как она воображала, они одаривали друг друга наедине, особенно учитывая, какие жаркие взгляды супруги бросали друг на друга.

– Боже мой, какая странная парочка эти двое, ты не находишь? – Чарли одним глотком допил свое шампанское и тут же взял с подноса проходящего мимо лакея еще один бокал. – Когда ты представила мне их, я решил было, что это люди из высшего общества, но в том, как они смотрят друг на друга, мне чудится что-то очень подозрительное. Ты так не считаешь?

Иногда Беатрис хотелось задать брату хорошую взбучку. Она обожала его, потому что он был по-своему хорошим человеком и также испытывал к ней нежные братские чувства, но иногда Чарли превращался в высокомерного ханжу.

– Напротив, я нахожу их очаровательными, а то, как они демонстрируют привязанность друг к другу, не может не воодушевлять. Если бы большее количество пар открыто выражали свою любовь друг к другу, мир был бы гораздо более радостным местом.

Чарли возмущенно фыркнул. На лице его появилось надменное выражение, совсем не соответствующее его возрасту – ему было всего двадцать пять лет.

– Мне кажется, что чем меньше ты станешь рассуждать о «демонстрации привязанности», тем лучше. Мы тут для того, чтобы восстановить твою репутацию, дорогая сестричка, а не для того, чтобы еще больше ее погубить.

– Ну не будь таким консерватором, Чарли! – Чтобы успокоить нервы, Беатрис тоже залпом допила шампанское и взяла еще один бокал, сочтя, что лучше притупить свои мрачные предчувствия с помощью алкоголя, чем вступать в пререкания с братом на глазах у всех. – Нам обоим отлично известно, что, по мнению света, мою репутацию уже не спасти и все, что нам остается, – это постараться извлечь выгоду из того, что у нас есть на данный момент. – Пришурившись, она продолжила приглушенным голосом: – Думаю, чем скорее ты оставишь идею о том, чтобы поудачнее выдать меня замуж в надежде поправить наше бедственное финансовое положение, тем лучше. А не поискать ли тебе работу? Я тоже стану работать. Я быстро учусь и наверняка смогу найти себе место.

У Чарли сделался такой вид, будто он вот-вот взорвется.

– Моя сестра не будет *работать*! Ради всего святого, я же джентльмен!

– Боже, да не расстраивайся ты так, дорогой брат. Я всего лишь подумываю о том, чтобы научиться печатать на машинке и поступить в какое-нибудь агентство. А ты так реагируешь, будто я только что изъявила желание стать проституткой в Уайтчепеле¹ с оплатой в один шиллинг.

Чарли открыл было рот, собираясь, несомненно, снова сделать сестре выговор, но так и не произнес ни слова. Вместо этого он воззрился куда-то поверх ее плеча, отчаянно хмурясь. Глядя на него, Беатрис почувствовала, как по позвоночнику ее пробежала дрожь. Она ни секунды не сомневалась, кого увидит, стоит ей обернуться, но, как и Чарли, не могла сдвинуться с места.

«Не бойся, Беа, – сказала она себе. – Он всего лишь мужчина. Всего лишь мужчина...»

– Такая скромная сумма? – со смешком произнес хрипловатый мужской голос. – Я бы за такую восхитительную возможность заплатил вперед сто гиней.

– Прошу прощения, сэр! – Побагровевший Чарльз готов был в очередной раз взорваться праведным гневом, но вдруг закрыл рот, словно превратившись в камень от устрашающего взгляда горгоны Медузы.

Двигаясь медленно, точно пребывая в странном текучем сне, Беатрис повернулась к стоящему за ее спиной незнакомцу. Она гордо выставила вперед подбородок, будто *лично* намеревалась устроить кому-то взбучку, как раньше грозился ее брат, но в действительности содрогаясь всем существом.

¹ Уайтчепел – один из беднейших районов Лондона.

Разумеется, то был он. Мужчина со светлыми волосами, темными устрашающими глазами и гладким волевым подбородком. Мужчина, который столь дерзко взирал на нее. Он ответил Беатрис низкий элегантный поклон, после чего взял ее маленькую, затянутую в перчатку ручку, которую она сама машинально ему протянула.

Даже через атласную ткань Беатрис почувствовала на своей коже его губы. Это прикосновение обожгло ее, словно огнем. Беатрис вдруг всем телом ощутила присутствие этого незнакомца так явно, будто снова оказалась в призрачном зыбком ступоре, в который ввел ее тогда Юстас, сладкими речами уговоривший ее позировать ему для тех треклятых фотографий. То было дарующее свободу состояние, в котором она могла делать что заблагорассудится, испытывать любые ощущения, наслаждаться запретными ласками.

Лоно ее пульсировало, будто этот новый кавалер гладил ее там.

– Мое имя Эдмунд Элсворт Ритчи, мисс Уэверли. – Выпрямившись, он воззрился на нее немигающим пристальным взглядом.

«Это подобно тому, когда тонешь, – подумала Беатрис. – Но... тонешь, потому что хочешь утонуть...»

Она не могла оторвать от него взор, не могла заставить себя держаться скромно, как приличествовало ситуации. Глаза мужчины оказались темно-синего цвета, почти черного. То был оттенок индийских чернил, глубокий и мерцающий.

– Не стану говорить, что надеялся вас здесь сегодня встретить, – продолжал он, – потому что *знал* это наверняка. Вы были приглашены специально, чтобы я мог с вами познакомиться.

Беатрис лишилась дара речи. В действительности ей было что ответить этому человеку, но реакция собственного тела повергла ее в шок, заставив замолчать.

– Я вот что скажу... – молвил было Чарли, но тоже замолчал, когда Эдмунд Элсворт Ритчи пронзил его взглядом, по энергетике не уступающим тому, которым он одарил Беатрис.

– Уэверли, не позволите ли мне переговорить с вашей сестрой наедине? – Слова его звучали достаточно учтиво, но по тону были подобны пощечине затянутой в бархат перчаткой. Прежде чем Чарли успел произнести хоть слово, этот безжалостный варвар уже подхватил Беатрис под локоток и повел ее в укромный угол за двумя пальмами в кадках.

«Я должна оттолкнуть его и уйти, – пронеслось в голове у Беатрис. – Мне следует потребовать экипаж и немедленно покинуть это место».

Опасность была столь велика, что она почти подчинилась голосу здравого смысла. Но нет, она не смогла. Скрывающийся в сокровенных глубинах ее тела маленький распутный бесенок возликовал, воодушевленный и доведенный до безумия прикосновением руки Ритчи к ее скрытому длинной перчаткой локтю.

Беатрис знала о репутации Эдмунда Элсворта Ритчи. Он слыл персоной известной, и статьи о нем часто публиковались в таких изданиях, как «Таун ток» и непристойной, но совершенно очаровательной «Марриотт монд», а также на страницах светских новостей более достойных газет. Будучи предпринимателем, этот человек обладал огромным состоянием, владел как недвижимостью, так и предприятиями, а также являлся скандально известным любителем женщин. Постоянно ходили слухи, что он обхаживает то одну светскую красавицу, то другую, а бульварные газеты, из тех, что так нравились Полли, горничной Беатрис, постоянно намекали на его любовные связи.

«Но Ритчи, как обладателю баснословных денег, все сходит с рук. Хуже того, что, как бы далеко он ни зашел, высший свет все равно его обожает».

Когда они оказались вдали от людской толпы, Беатрис ожидала, что Ритчи заведет с ней игривый разговор, что вполне соответствовало бы его скандальной репутации, но он не произнес ни единого слова, а просто молча взирал на нее. Беатрис осознала, что до сих пор сжимает в руке бокал, и пожалела, что тот уже опустел. Глоток шампанского нужен был ей для того,

чтобы хоть чем-то занять руки и снять нервозность. Точно прочтя ее мысли, Ритчи взял у нее хрустальный бокал и поставил его на полку.

«Вот своенравное чудовище!» – мысленно возмутилась Беатрис.

– Будьте так добры, объяснитесь, мистер Ритчи. – Беатрис говорила подчеркнуто сдержанно, чтобы выказать такую же невозмутимую властность, что исходила от стоящего перед ней мужчины. Сделать это оказалось нелегко, но, приноровившись, ей удалось достичь желаемого. По крайней мере, она не пищала от негодования, точно мышь. – Что вы имели в виду, говоря, что *устроили* нам приглашение сюда? Чего вы от нас хотите, сэр, раз решились пойти на подобный шаг?

Ритчи рассмеялся низким волнующим смехом, который, казалось, перекачивается как по обнаженным участкам тела Беатрис, так и по тем, что скрыты одеждой. Она ощутила такой прилив гнева, что захотела дать ему пощечину, и непременно сделала бы это, если бы не опасалась оказаться в неловкой ситуации.

Но был ли то только гнев? Беатрис смутилась, чувствуя себя так, будто оказалась в эпицентре урагана. Она была удивлена тем, как реагирует на присутствие этого мужчины ее собственное тело, предающее ее. Лицо и зона декольте ее горели огнем, самые сокровенные места покалывало от предвкушения, а груди томились в заточении корсета и платья. И ощущения эти, несомненно, были приятными. Более чем приятными. Лоно ее, скрытое панталонами, увлажнилось... Боже всемогущий, оно будто умоляло о *прикосновении*!

– Мне ничего не нужно от вашего брата, мисс Уэверли. Я хочу только вас. – Ритчи сделал паузу, положив руку с длинными тонкими пальцами на лацкан своего безукоризненно сшитого фрака. Глядя на него, точно змея, замороженная мангустом, Беатрис подпрыгнула, когда он с быстрым демонстративным щегольством распахнул полы своего фрака, явив ее взору внутренний карман, пришитый к темной подкладке, в котором лежало что-то, напоминающее позолоченную эротическую карточку.

«О нет! – ужаснулась она. – Так вот зачем он так жаждал со мной встретиться. Он видел эти треклятые штуки, а не просто слышал о них».

– Мне хотелось своими глазами увидеть, соответствует ли реальная женщина обещанию, данному изображением. – Все еще держа полы фрака распахнутыми, Ритчи медленно и сладострастно провел указательным пальцем по позолоченному краю карточки. – В самом ли деле вы являетесь сиреной.

Придя в ужас от предложения, которое Ритчи неминуемо ей сделает, Беатрис чувствовала восхитительное, но тревожное напряжение внизу живота.

«Кажется, я сошла с ума, – подумала она. – Я встретила этого мужчину несколько минут назад, а он уже успел превратить меня в помешанную».

– Джентльмену не пристало приносить подобные вещи на светский прием. – Беатрис в упор посмотрела на своего собеседника, хотя внутри у нее все плавилось, как десерт на жаре. – У джентльмена вообще не должно быть таких вещей!

На мгновение Ритчи прикусил нижнюю губу белоснежными зубами, все еще лаская край карты. В глазах его мерцали звезды, которые, похоже, кружились под звуки вальса, исполняемые в бальном зале.

– А леди не стала бы позировать для этих карточек.

Все верно, леди не пристало вести себя как неосторожной дурочке и уступать домогательствам своего жениха, не контролировать себя, перебрав шампанского или совершать что-либо еще, столь же легкомысленное, но соглашаться с Ритчи Беатрис не собиралась.

– Туше, мистер Ритчи. – Она попыталась представить стальной стержень, расположенный вдоль ее позвоночника и призванный уравнивать планшетку спереди корсета. Только эта жесткая конструкция и могла сейчас удержать Беатрис от растекания под его жарким взглядом. – Но боюсь, эти снимки являются всего лишь результатом несчастливого и неправильного

стечения обстоятельств. С моей стороны то была ошибка в суждениях, которую я пытаюсь исправить. – Она выдержала паузу, подготавливая себя к величественному уходу. – Надеюсь, что свет также сочтет возможным предать забвению мой неосмотрительный поступок и оставит его в прошлом, где ему и положено находиться.

Развернувшись, Беатрис хотела было удалиться, но Ритчи удержал ее. Он схватил ее за плечо в самом уязвимом месте между отворотом длинной перчатки и сшитым из французской ткани рукавом ее платья с монограммой.

Обнаженная кожа его ладони коснулась обнаженной же кожи ее руки. В промежутке между моментом их знакомства и нынешним мгновением Ритчи успел снять белые вечерние перчатки. Кончики его пальцев обжигали Беатрис, точно раскаленное железо.

– Будьте так добры, отпустите меня, мистер Ритчи!

Ах, каким визгливым голосом были произнесены эти слова! Слишком визгливым! Но он тут же отпустил ее. Или нет? Отпечаток его пальцев все еще жег кожу, лишая возможности двигаться. Точно так же, как и черное пламя, полыхающее в его глазах.

– Вам никогда не удастся предать забвению эти фотографии, Беатрис. Они *и есть* вы. – Ритчи произнес эту фразу очень тихо, но, казалось, эхо его голоса разлетелось по всем комнатам огромного особняка Саувернов. – Я заподозрил это сразу, как впервые увидел это. – Он вытащил из кармана снимок, которым так долго дразнил Беатрис, самый постыдный из всех, в подробностях запечатлевший то, как она касается себя между ног.

Может, так только кажется? Может ли такое быть? Неужели она в действительности это делала? Беатрис до сих пор не могла сказать наверняка, но по телу ее все же прошла дрожь. Взгляд Ритчи будто облизывал Беатрис с головы до ног.

– Теперь же, когда я познакомился с вами лично, моя дорогая, я *знаю*. – Он высунул кончик красного языка и коснулся середины нижней губы. – Вы богиня чувственности, мисс Уэверли, истинная сирена. И чем скорее вы это признаете, тем более счастливой станете себя чувствовать. – Беатрис взирала на его провокационно-соблазнительные ресницы, такие длинные и густые, и невольно задавалась вопросом: как мог он при этом сохранять столь мужественный вид? Ведь его ресницы были такие красивые и чувственные. – И я тоже, – добавил он.

– Боюсь, сэр, что моя чувственность... или ее отсутствие... это совсем не ваше дело. – Беатрис снова попыталась представить стальной стержень у себя в кор сете, но безуспешно. Она ненавидела это язвительное создание, известное тем, что добивается любой женщины, какую только пожелает. Однако собственное тело предало ее, томясь по нему, стремясь прильнуть к его телу, слиться с ним воедино. Попытки Беатрис совладать с собой чрезвычайно утомляли ее. Состояние приближалось к критическому. – А теперь, если вы позволите, я вернусь к брату.

– Но я же вас не держу. – Ритчи мягко рассмеялся, щекоча своим хрипловатым смехом ее нервные окончания и раздражая самые чувствительные участки тела. – Разве что здесь. – Он медленно провел большим пальцем по эротической карточке, задержавшись на груди и бедрах.

Ошеломленная подобным поведением, Беатрис подняла было руку, чтобы ударить его, но здравый смысл в очередной раз одержал верх. Этот мужчина вопиющий подлец, и пребывание Беатрис в его обществе давало ему именно то, что он хотел получить. Лучшее, что можно было сделать в подобной ситуации, – это уйти, и немедленно.

– Желаю приятно провести вечер, мистер Ритчи. – Беатрис сделала шаг вперед, чувствуя себя так, будто переходит вброд болото. И как это она до сих пор не припустилась бегом?

– Подождите минутку, мисс Уэверли! Позвольте мне, по крайней мере, пригласить вас на танец!

Беатрис бросила взгляд на танцевальную карту, свисающую на ленточке с ее запястья.

– Боюсь, что это невозможно. Моя танцевальная карта уже заполнена.

Эти слова словно разрушили чары, и она зашагала прочь, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не сорваться на бег, точно умалишенная.

Беатрис не стала оглядываться. Нет, она не доставит Ритчи такого удовольствия! Перед мысленным взором ее все еще стояло то, как он ласкает ее фотографию.

Эдмунд Элсворт Ритчи не последовал за Беатрис Уэверли. Он не мог. Все, что ему оставалось, – это наблюдать за тем, как она удаляется от него. Плечи ее при этом почти явственно содрогались от негодования, а спина была очень напряжена. Наблюдая за тем, как Беатрис пробирается через толпу весело болтающих гостей, оставляя после себя едва ощутимый аромат ландыша, и бледный подол ее платья колыхнется вокруг ее ног, Ритчи чувствовал жар сжигающего его тело пламени.

Даже если бы он и мог пошевелиться, то не стал бы этого делать, потому что его мужское достоинство затвердело, точно шомпол, стоило ему увидеть Беатрис, и теперь превратилось в большой бугор у него в брюках. У него, конечно, имелась определенная репутация, но оказаться замеченным с такой мощной эрекцией на светском балу было чересчур рискованно даже для него.

Видела ли сама Беатрис то, как он отреагировал на нее? Она не смотрела ему на ширинку, да и какая хорошо воспитанная молодая девушка поступила бы подобным образом?

Все это подтвердило его подозрения. Несмотря на то что у него имелись снимки, на которых она распростерлась обнаженной на звериной шкуре, прижимая свою изящную ручку к промежности, он никак не мог избавиться от мысли, что в действительности она вовсе не была столь сладострастной и свободомыслящей, как можно заключить по ее позе.

«Кто же ты такая, моя Беатрис? Жаждающая наслаждений сибаритка или девственная весталка?»² Как бы то ни было, ты все, о чем я только мог мечтать. И даже больше».

Ритчи не мог решить, какая из двух ипостасей возбуждала его больше, но в чем он был абсолютно уверен, так это в том, что Беатрис Уэверли околдовала его. Он попал под власть ее чар в тот самый момент, как впервые увидел фотографию, которая сейчас снова была спрятана во внутреннем кармане фрака. Встретив же эту девушку во плоти, восхитительно живую и энергичную, он почувствовал, что власть ее над ним стала в тысячу раз сильнее.

Пачка фотографий некоторое время тайно циркулировала в его клубе, не вызывая ни у кого особого интереса, до тех пор пока Ритчи не попросил своего друга дать ему одну.

Чувство шока, испытанное им при виде этого снимка, было сравнимо с ударом одновременно в голову, сердце и живот. Он был до немоты поражен утонченной красотой обнаженной женской плоти, но не мог до конца понять, чем же она его так завороживала, ведь за свою жизнь он повидал немало подобных фотографий. Шок превратился в возбуждение, а возбуждение – в навязчивую идею. Ритчи решил, что ему нужно лично встретиться с Беатрис Уэверли, чтобы освободиться от довлеющего над ним заклинания, но теперь он понимал, что все виденное им на снимке стало явью.

Ее оживленное лицо не обладало классическим совершенством черт, присущим некоторым светским львицам, за которыми Ритчи ухаживал в прошлом. Мисс Уэверли оказалась даже не такой утонченной, какой показал ее снимок. Было в ней что-то дикое и необузданное, чему он не мог дать определение и о существовании чего она сама даже не подозревала. Цвет лица Беатрис оказался сливочного оттенка, а волосы огненно-рыжего цвета, на который раскрашенная вручную фотография лишь слегка намекала. Ритчи не стал бы заходить так далеко, утверждая, что она вульгарна или груба – совсем наоборот, но она казалась переполненной здоровьем и энергией, а желаниями, которых, как это ни печально, были лишены более деликатные и воспитанные в идеальных условиях девушки.

«А ее тело, – подумал он, – ах, боже, ее ароматное тело!»

² Весталка – жрица в храме богини Весты в Риме, давшая обет целомудрия.

Как же ей удавалось выглядеть столь эротично и притягательно в своем старомодном и явно старательно перешитом вечернем платье? То был результат вовсе не ношения корсета и прочих бесчисленных женских штучек, хотя Ритчи и был хорошо осведомлен о том, что женщины надевают под платья.

Нет, в случае Беатрис Уэверли притягательность являлась следствием ее женской сущности: ее темно-зеленых глаз, свирепого, как у амазонки, выражения лица, того, как она вскидывает голову и ахает от удивления, когда он провоцировал ее.

«Я заставлю тебя задыхаться, мисс Уэверли, в этом можешь не сомневаться. Даже если ты все еще и сердишься на меня, потом ты будешь радоваться, что позволила мне это».

Ритчи потянулся было к подносу подошедшего к нему лакея, намереваясь взять бокал шампанского, но рука его застыла в воздухе. Он был настолько выведен из равновесия, что вряд ли это можно было поправить пенистым французским напитком.

– Принесите мне стаканчик виски. – Собственный голос показался ему странным, будто он и в самом деле страдал от сильнейшего удара. Слуга же, похоже, не заметил ничего подозрительного и поспешил исполнить его поручение.

Наблюдая за толпой увешанных драгоценностями дам и безупречно одетых мужчин, Ритчи вдруг подумал о том, что видит всего лишь изображения на экране. Это не настоящие люди, но лишь картинки, подобные тем, что он видел на демонстрациях господина Ле Принца в Лидсе пару лет назад.

Лишь затерявшаяся среди гостей Беатрис Уэверли представлялась Ритчи реальной. Стараясь не привлекать к себе внимания, он украдкой вынул из кармана ее фотографию, чтобы насладиться контрастом между печатным образом и женщиной из плоти и крови.

И изображение, и оригинал определенно стоило увидеть.

На фотографии Беатрис представала непринужденной, мечтательной и естественной. Взгляд ее в самые интимные моменты был обращен в сторону, в отличие от большинства обнаженных моделей, бесстыже смотрящих прямо в камеру.

Беатрис во плоти встретила взгляд Ритчи с негодованием, пылом и вызовом.

Оба воплощения этой женщины терзали его чресла. Ритчи неохотно признал, что когда-то его мужское естество точно так же реагировало на его ушедшую в мир иной супругу Клару. Его первый брак приносил полное взаимное удовлетворение обоим супругам как в постели, так и во всех других сферах жизни.

Заметив приближающегося к нему лакея, пробирающегося через толпу болтающих и прихорашивающихся гостей, Ритчи поспешно спрятал фотографию обратно в карман.

Виски огнем обжег ему язык, что вполне устраивало Ритчи.

Да, он может рассматривать этот снимок и все прочие и получать удовольствие, когда пожелает.

Но теперь ему было недостаточно лишь изображений и манипуляций, производимых собственной рукой. Ему необходимо было дотронуться до Беатрис, насладиться ею. Пальцы его до сих пор покалывало от прикосновения к ее руке, он все еще чувствовал теплоту и нежность ее кожи. Тело его все еще переживало то краткое мгновение контакта, а при мысли об этом член его вновь пришел в состояние боевой готовности.

«Я стану наслаждаться тобой, божественная Беатрис, – мысленно пообещал Ритчи. – Я до капли выпью из тебя всю твою чувственность, так как точно знаю, что ты обладаешь ею, как бы яро ты это ни отрицала. Я попробую на вкус и стану ласкать каждый дюйм твоей кожи и почувствую прикосновение к моему члену твоих пальцев, возвращающих удовольствие».

Все это произойдет очень скоро, потому что в противном случае я просто лишусь рассудка».

Лишиться рассудка? Ох, нет! Это самый неподходящий выбор слов. Поднеся стакан к губам, Ритчи содрогнулся, будто увидев перед собой встающую из могилы призрачную фигуру.

Нет! Никаких мрачных мыслей! Беатрис Уэверли – это свет. Жар. Страсть. Она – это все, что есть на свете хорошего, восхитительного, полного жизни.

А благодаря ее братцу с его неблагоразумными финансовыми вложениями, а также многими днями, проведенными на ипподроме, и ночами за игровым столом Сирена с Саут-Малберри-стрит сама приплыла в руки Ритчи, оставалось лишь взять ее.

Глава 2

Создания тропиков

От танцев у Беатрис кружилась голова, будто вместо шеи вдруг оказалась пружина.

Ей хотелось замереть посреди бального зала, обернуться и гневно потребовать, чтобы Эдмунд Эллсворт Ритчи перестал на нее пялиться!

Но проблема заключалась в том, что стоило ей лишь подумать, что это чудовище смотрит на нее, как в действительности его не оказывалось на месте! Неужели он превратился в невидимку? Или наблюдал за ней на расстоянии, точно медиум, посредством каких-нибудь тайных приспособлений?

А если он больше не смотрит на нее, то почему? Как бы абсурдно это ни казалось, но, перестав ощущать на себе испытующий взгляд Ритчи, Беатрис разозлилась еще больше.

Прилагая невероятные усилия, она выказывала вежливый интерес своим партнерам по танцам, коих было на удивление много. Совершенно очевидно, что ее скандальная известность в качестве Сирены привлекала мужчин, и Беатрис испытывала большое облегчение оттого, что ей не придется весь вечер стоять у стенки, не будучи никем приглашенной, чего вполне могла бы ожидать двадцатичетырехлетняя старая дева без средств к существованию и с запятнанной репутацией.

Разумеется, она танцевала и с Чарли, который, пользуясь случаем, продолжал читать ей нотации и даже пару раз сбился с шага. От него пахло бренди, что говорило красноречивее всяких слов, но Беатрис решила во что бы то ни стало проявлять терпение и покладистость. Не было ее вины в том, что жизнь брата была непроста, и она лишь усугубляла ее своим легкомысленным поведением с Юстасом Ллойдом и упорным нежеланием ответить благосклонностью какому-нибудь новому кавалеру.

Беатрис вальсировала с господином Шамфлёром, высоким, грубовато-добродушным и любящим пошутить мужчиной, затем танцевала котильон с хозяином дома лордом Сауверном; несколько танцев она подарила очаровательному мистеру Эндерби и еще одному или двум мужьям дам из ее швейного кружка.

Ах да, женский швейный кружок. Девушка криво усмехнулась. Она не была хорошей рукодельницей и при обычных обстоятельствах ни за что не вступила бы в подобную группу, но, совершенно неожиданно получив приглашение, с радостью ухватилась за такую возможность. Со времени появления этих омерзительных эротических карточек, получивших хождение в обществе и даже удостоившихся пикантной заметки на страницах «Марриотт монд», все прочие социальные организации отказали ей в членстве. К ней поворачивались спиной в церкви, Женская благотворительная гильдия исключила ее из своих рядов, точно так же, как и Женский литературный кружок, в который Беатрис вступила совсем недавно и с удовольствием ходила на собрания. Перед лицом всеобщего порицания Беатрис сочла, что вполне может закрыть глаза на исколотые иголкой пальцы и получающиеся у нее неудовлетворительные рукодельные изделия ради возможности снова оказаться в дамском обществе и наслаждаться беседой с кем-то иным, кроме Полли, Энид или кухарки.

Неожиданно разговоры за вязанием крючком, вышивкой и чашечкой чая оказались очень оживленными.

До того как Ритчи сделал признание, Беатрис считала, что именно кружок выхлопотал для нее приглашение на сегодняшний вечер, ведь его самыми активными членами являлись София Шамфлёр и леди Арабелла Сауверн, подруги Беатрис.

Теперь же ей открылась горькая правда.

Либо одна из этих леди, либо обе выступили в роли сводни и поспособствовали ее появлению на балу, чтобы подать ее в качестве главного блюда этому ужасному типу Ритчи. Мужчине, обладающему достаточным влиянием, чтобы преследовать ее, даже не будучи ею видимым.

«Да что со мной такое творится? Я хорошо провожу время, гораздо лучше, чем ожидала. Почему же мне хочется, чтобы на месте всех партнеров, с которыми я танцую, оказался этот монстр?»

То была правда. Хотя ее партнеры были очень хорошими людьми, Беатрис все они казались не более чем тенями, даже господин Шамфлёр, возвышавшийся над ней благодаря своему гигантскому росту. Правдоподобными были лишь жаркие, дикие мысли, возникающие в ее голове в присутствии Ритчи. Руку ее все еще покалывало в том месте, где он коснулся ее, а когда Беатрис воскрешала в памяти этот момент, у нее начинали дрожать ноги и в промежности появлялась предательская влага.

«Нет! Он же мерзавец, волокита и еще менее уважаем в обществе, чем я!»

Перемещаясь по периметру обеденного зала, девушка искала глазами Чарли, но он куда-то пропал. Когда они танцевали, он не переставал читать ей проповедь о том, как для нее важно не быть замеченной в обществе Эдмунда Эллсворта Ритчи.

– Я и сам не знал, что это он и есть, пока он не подошел к нам, – говорил Чарли. – Ну надо же, какой наглец! Если газеты что и упустили из его биографии, так это упоминание о том, какой он мерзавец. Держись от него подальше, иначе он скомпрометирует тебя еще больше.

Беатрис кивнула, выражая полное согласие с братом.

Тем не менее она была расстроена. Бал был головокружительным сказочным событием, особенно теперь, когда Сауверны провели электрическое освещение в большинстве комнат своего особняка. Этот новый свет особым образом озарял происходящее, придавая людям и предметам более хрупкие и четкие очертания. Он был нетерпим к недостаткам, но также заставлял драгоценности дам искриться и переливаться и придавал живости и радужных красок их вечерним туалетам. Однако, невзирая на это чудо современного мира, Беатрис воспринимала происходящее в тусклых красках, потому что ей не доставало в толпе гостей того самого красавца мужчины с темно-синими глазами, сияющими светлыми волосами и губами, которые могли принадлежать как дьяволу, так и древнегреческому богу Адонису.

Страдая отсутствием аппетита, она выскользнула из обеденного зала и направилась в просторный приемный холл, отделанный позолотой. Стеклянные двери справа вели в прилегающую к дому оранжерею, представляющую собой обширные джунгли, привезенные, кажется, из далекой Африки. Внутри воздух был горячим и влажным, как, по представлениям Беатрис, и должно было быть в тропиках, но, оказавшись здесь, она не смогла сдержать дрожь, так как немедленно вспомнила о другой, меньшей по размеру и не такой величественной оранжерее, в которой Юстас сделал свои снимки.

– Будь ты проклят, Юстас! – пробормотала Беатрис, мотая головой, чтобы рассеять образ его прекрасного, но ненавистного ей лица. Как она вообще могла думать, что любит его? Не говоря уже о том, чтобы решиться позировать для него обнаженной?

Она полагала, что виной тому были одиночество и боязнь будущего. Много времени прошло с тех пор, как за ней ухаживали – с тех пор, как потеряла Томми, своего первого жениха, – и она была польщена вниманием, оказываемым ей Юстасом. Также не стоило забывать и о более практических вопросах. Помолвка с достойным и, по-видимому, богатым холостяком сулила социальную защиту как для самой Беатрис, так и для Чарли. К несчастью, она убедила себя, что сумеет взрастить в своей душе чувство любви к Юстасу.

К сожалению, Юстас ошибся в своих ожиданиях точно так же, как и сама Беатрис. Его богатство оказалось лишь мнимым фасадом и, когда он узнал о плачевном финансовом состо-

янии Уэверли, решил немедленно расстаться с ней, но не раньше, чем сумеет заработать на ней денег, причем самым презренным способом.

– Когда-нибудь ты понесешь заслуженное наказание, чудовище! Надеюсь лишь, что у меня будет возможность лично наблюдать за этим!

Решив больше не вспоминать об этом негодяе, погубившем ее репутацию, Беатрис отправилась на прогулку по оранжерее. Аккорды немецкой польки замерли в отдалении, но другие звуки отдавались у нее в ушах особенно четко. Капающая где-то вода придавала оранжерее особое сходство с необитаемым королевством, а крики птиц и разноцветные всполохи над головой свидетельствовали о том, что тут обитает несколько попугаев. Девушка быстро продвигалась вперед, и выложенные плитками дорожки скрадывали звук ее шагов, производимых легкими бальными туфельками.

Источником воды оказался фонтан, подпитываемый от искусственного водоема. Крупные разноцветные рыбы плавали, медленно шевеля плавниками, в центральном пруду, с поверхности которого поднималась прохлада, разбавляющая сильные растительные запахи.

Какое удивительное место! Кусочек экзотического неведомого мира, принесенного в повседневную жизнь. Беатрис вознамерилась не позволить образу Юстаса преследовать себя, какой бы призрачной ни была надежда на это. Если у нее когда-либо появятся хоть немного денег, она непременно снова заведет у себя в доме собственную оранжерею, созданную по образцу теплицы в Вестерлинне, но конечно же скромнее.

В величественной оранжерее Саувернов узкие дорожки пролегали через заросли пахучих растений, которые привлекали Беатрис гораздо больше, чем искусственный мир танцев, пустой болтовни и стремления каждого показать свое превосходство над другими. Таинственное очарование этого места напомнило о темном и волнительном внимании к ней мистера Ритчи. Эти дикие душные джунгли стали бы идеальным окружением для его мужественной натуры.

Приподнимая рукой подол своего вечернего платья, чтобы не запачкать его землей и уберечь от налипания опавших листьев, Беатрис пробиралась дальше в заросли, и тут слуха ее достиг более привычный, нежели капающая вода или кричащий попугай, звук. Впереди раздавались неясные голоса, мужской и женский голоса, звучал чей-то смех.

«Боже мой, – подумала Беатрис, – тут происходит любовное свидание».

Под корсетом у нее выступил пот, делая кожу липкой и собираясь капельками между грудями. Ощущение было такое, будто кто-то внезапно подбросил дров в печь, призванную поддерживать в оранжерее экваториальный жар тропиков.

«Мне следует повернуть назад... притвориться, что ничего не слышала... нужно уважать личную жизнь других людей».

Но времена, когда Беатрис вела себя вежливо, уважительно и незаметно, остались в прошлом. Двинувшись вперед, она отдалась во власть темной ненасытной стороны своей натуры. Пробираясь среди папоротников, точно абориген, она шла на звук.

В конце концов девушка оказалась в маленьком гроте, расположенном в самом центре городских джунглей леди Арабеллы Сауверн, где и застала на месте преступления двух изголовавшихся созданий, забавлявшихся друг с другом.

София и Эмброуз Шамфлёр сидели на скамье, раскрасневшиеся и задыхающиеся. Корсаж платья Софии и корсет были расшнурованы, обнажая ее молочные-белые груди. А у Эмброуза... боже всемогущий!... были расстегнуты брюки, из которых торчало его мужское достоинство... его *член*.

Беатрис раскрыла рот от удивления. Дыхание ее сбилось, сердце стучало, точно барабан, а внизу живота точно зашевелился клубок змей.

Так вот, значит, как выглядит джентльмен, когда он возбужден? Действительность отличалась от того, что она рисовала в своем воображении, но, в конце концов, *что* она могла знать? Девушки не должны думать об этой части мужского тела до тех пор, пока не выйдут замуж, да

и после того, как станут уважаемыми женами, тоже. Беатрис же на глаза попало несколько медицинских изображений, и с тех пор она часто фантазировала на эту тему. Давным-давно в Вестерлинне они с Томми иногда тайком обнимались под розовым деревом, и тогда она чувствовала, как затвердевают его чресла, прижимающиеся к ее бедру, да и Юстас тоже возбуждался и начинал задыхаться, когда ему удавалось похитить с ее губ поцелуй-другой.

Беатрис представления не имела, является ли господин Эмброуз Шамфлёр обычным представителем сильного пола или же особо выдающимся, но в голове тут же возникла шальная мысль о том, что у мистера Ритчи, возможно, мужское достоинство большего размера. София, однако, казалась более чем довольной длиной члена своего мужа, так как ласкала его умело и ритмично.

– Боже мой, *месье*, что это такое? – вопрошала она, неутомимо скользя своей изящной ручкой по его красноватому напряженному стержню. – Клянусь, что не имею ни малейшего представления, что мне делать с этим монстром.

Широкое лицо Эмброуза Шамфлёра казалось напряженным, но также и почти ангельски красивым для такого громадного мужчины. Двигая губами, он ерзал на скамье. Притянув к себе супругу и сжав ее круглую грудь, он гортанно прошептал что-то ей на ухо.

Глаза Софии широко распахнулись, и она провела языком по губам.

– Сэр, вы самый настоящий негодяй: скандальный, развратный и ограниченный! – Слова эти могли бы быть проявлением праведного гнева, но женщина произносила их, посмеиваясь и улыбаясь. И все еще облизывая губы. – Если я и сделаю это для вас, господин Шамфлёр, – София изогнула свою умелую ручку и принялась ловко ласкать большим пальцем головку члена мужа, – то чем вы сможете мне ответить?

Эмброуз снова что-то хрипло зашептал, чего Беатрис конечно же не расслышала, хотя и напрягала слух.

– Что ж, это кажется мне справедливым. – София одарила мужа медленной любящей улыбкой и на мгновение крепче сжала его руку, лежащую поверх ее груди, покачиваясь при этом, будто бы испытывая огромное удовольствие, грозящее поглотить ее целиком. Внезапно она в один прыжок поднялась на ноги и тут же грациозно опустилась на колени, разметав по земле вокруг себя свои красивые изумрудно-зеленые юбки.

Муж ее в это время шире раздвинул ноги, чтобы облегчить ей доступ.

«Какая досада! – подумала Беатрис. – Мне же ничего не видно!»

Внезапно наблюдение за происходящим стало для нее самым важным на свете, и, не обращая внимания на ветви и широкие листья выющихся растений и кустарников, Беатрис принялась незаметно продвигаться вперед в гроте в поисках лучшей перспективы.

Когда же это ей удалось, пришлось прижать затянутую в перчатку ладонь к губам.

София Шамфлёр сосала мужское достоинство своего мужа! И совершенно очевидно наслаждалась этим процессом, судя по издаваемым ею звукам и едва различимому «М-м-м-м!».

Беатрис наблюдала за ними во все глаза. Первоначальный шок, испытанный ею, сменился полным восторгом.

«Интересно, каков он на вкус? Сладкий? Или соленый? А на ощупь? Он кажется гладким, шелковистым и сияющим, даже на том участке, который она не может проглотить...»

Познания Беатрис в области мужского тела и физиологии происходили из просматривания нескольких толстых книг, хранящихся в библиотеке Вестерлинна. Тома эти были заперты под замком, и для того, чтобы получить доступ к ним, ей пришлось воспользоваться шпилькой для волос. У нее не было достаточно времени, чтобы основательно изучить эти книги, но, даже обладая самыми начальными познаниями, она с легкостью поняла, что господин Шамфлёр получает от происходящего большое наслаждение. Должно быть, любой мужчина почувствует

себя на седьмом небе от счастья, когда его возлюбленная станет принимать самый чувствительный орган его тела в рот – этот источник жара и влаги – и будет посасывать и лизать его.

Похоже, Софии Шамфлёр тоже нравилось то, что она делает. Хотя ее гладкое прекрасное личико исказилось оттого, что рот смыкался вокруг непомерно большого члена мужа, она при этом ухитрялась улыбаться, а ее прекрасные глаза искрились.

«Ей нравится доставлять ему удовольствие», – решила Беатрис.

Ей было ненавистно вспоминать о Юстасе именно сейчас, но она не могла не признать, что даже в моменты наибольшего очарования им и помыслить не могла о том, чтобы поцеловать его подобным образом. Томми, возможно, и да, но только не Юстаса, нет, никогда! При мысли об этом Беатрис содрогнулась всем телом, по коже ее побежали мурашки.

«Но вот вас, мистер Ритчи, я бы поцеловала... Да, поцеловала бы».

Эта идея показалась ей совершенно нелепой. Абсурдной. Немыслимой. И все же перед ее мысленным взором появилась совсем иная картина, гораздо более отчетливая, чем любой нестойкий снимок.

Вместо счастливой Софии Шамфлёр, сидящей на коленях и ублажающей своего обожаемого мужа Эмброуза, Беатрис увидела себя, с энтузиазмом сосущую огромный сияющий мужской орган Эдмунда Элсворта Ритчи.

На этот раз она не стала прикрывать рот рукой. На этот раз она ничего не могла сделать и не боялась выдать себя случайным звуком. Это было сравнимо с тем, как если бы гигантская рука вдруг отодвинула ее в сторону, не в физическом, а в психологическом смысле. Мысли и образы были слишком шокирующими, чтобы ее онемевший мозг сумел их обработать, но губы как наяву ощущали вкус члена мистера Ритчи.

Непрерывно облизывая губы и одним глазком продолжая наблюдать за Шамфлёрами, Беатрис внезапно испытала странное состояние. Время как будто остановилось, и все мысли и действия стали двигаться со скоростью улитки. Руки ее безвольно опустились вдоль тела, и она наблюдала за тем, как медленно, дюйм за дюймом, ползут вниз по ее затянутой перчаткой руке ленты, удерживающие ее веер, крошечную вечернюю сумочку и танцевальную карту.

«Когда они упадут окончательно, – подумала девушка, – то произведут шум, и Шамфлёры обнаружат мое присутствие».

Едва ей пришла в голову эта мысль, она поняла, что меньше опасается быть раскрытой, нежели того, что нарушит приятное занятие своих друзей.

Как будет обидно, если Эмброуз так и не достигнет пика наслаждения, даруемого ртом его жены.

Не успели эти странные думы померкнуть в ее сознании, как чья-то рука, но не ее собственная, поймала ее вещи, предотвратив их неизбежное падение на выложенную плиткой дорожку.

Кто же этот ловкач, этот иллюзионист? Этот человек, который второй рукой, обладающей недюжинной силой, обхватил ее за талию и прижал к себе?

Беатрис даже не поняла, что падает.

– Тише.

Предостережение прозвучало едва различимо, но она тут же узнала этот голос, исходящую от тела мощь и изысканный аромат лосьона после бритья. Едва вдохнув его, она почувствовала, что ноги стали ватными. Стоять прямо было выше ее сил.

Беатрис покачнулась, и сильная рука, все еще поддерживающая ее за талию и прижимающаяся прямо через корсет к телу, снова не дала ей упасть.

– Идем.

Его низкий голос в очередной раз волной прокатился по ее телу, заставив его вибрировать там, где тела их соприкасались. У Беатрис больше не возникало вопроса, кто этот таинственный

незнакомец. Казалось, она только и ждала того, чтобы он присоединился к ней. Ждала даже тогда, когда вообще не была с ним знакома.

Наполовину ведя ее, а наполовину таща за собой, он стал удаляться от происходящей на лавочке сцены. Шамфлёры были всецело поглощены доставлением друг другу наслаждения. Веер Беатрис, раскачиваясь на ленте, ударялся о стволы пальм и производил вполне различимый шум.

Последнее, что она увидела в затерянном в джунглях гроте, был обращенный на нее взгляд Эмброуза Шамфлёра. Мужчина улыбнулся и тут же застонал, точно дикое животное, в экстазе закатывая глаза.

Когда они отошли на значительное расстояние и больше не рисковали быть увиденными мужем и женой, Беатрис тут же попробовала высвободиться из объятий Ритчи, но в следующее мгновение столь же внезапно оставила попытки. Зачем показывать этому чудовищу, что его присутствие приводит ее в бешенство? Особенно теперь, при наличии еще одного развлечения, которое невозможно было игнорировать.

Даже через несколько слоев одежды Беатрис почувствовала, что в бедро ей упирается что-то твердое. Теперь, после всего увиденного в гроте, у нее не оставалось ни малейших сомнений касательно того, что это может быть.

«Похотливое животное!» – мелькнула у нее в голове мысль.

– Отпустите меня, мистер Ритчи, – прошипела она, когда он силой протащил ее через высокие французские двери, возвращая обратно в дом. Они оказались в другой части громадного особняка Саувернов, на некотором расстоянии от того входа, через который она попала в оранжерею.

«Я потерялась. Потерялась в этом огромном незнакомом доме, к тому же оказалась наедине с мужчиной, у которого имеются гораздо худшие изображения меня, чем даже у самого Юстаса Ллойда».

Так почему же она не боролась с Ритчи более отчаянно? Она была здоровой девушкой с крепкими конечностями и могла бы как следует пнуть его между ног и высвободиться, если, конечно, мужской половой орган и в самом деле такой чувствительный, как заставил ее поверить господин Шамфлёр.

«Но ты же не хочешь высвободиться, правда?» – лукаво произнес голос в ее голове.

– Нет, Беатрис. Если я отпущу вас, вы снова убежите от меня, а мне нужно с вами поговорить. – Не ослабляя хватки, Ритчи развернул ее лицом к себе. Руки его, подобные железным обручам, крепко прижимали ее к твердому холмику у него в промежности. Несмотря на свои многослойные юбки, Беатрис животом ощущала теплоту и пульсацию его мужского органа.

– А мне кажется, что в ваши планы входит гораздо большее, чем простой разговор со мной!

Слова эти вырвались у нее помимо воли. Хуже того, ее тело, казалось, вдруг зажило собственной жизнью: бедра принялись раскачиваться, так что животом девушка постоянно соприкасалась с чреслами Ритчи, будто намеренно лаская и массируя их.

«Ради всего святого, что же я делаю?» – ужаснулась Беатрис.

Мысли ее подхватил и закружил неистовый вихрь, когда она услышала стон Ритчи, не такой громкий и жалобный, как у Эмброуза Шамфлёра, но все же безошибочно выдающий желание.

«Но я не хочу тебя! – мысленно кричала Беатрис. – Нет! Нет! Не хочу!»

Внезапно все, чему ее учили или что она сама читала о благовоспитанном поведении великосветских дам, показалось ей сущим вздором. Строгие слова, некогда колоколом звучащие в ее голове, вдруг стали таять, таять... На этот раз Беатрис не могла возложить вину за происходящее на шампанское или иное одурманивающее средство. Она забыла о симпатии, которую испытывала к Томми, а потом заменила чувством привязанности к Юстасу.

Нет, к Ритчи она почувствовала инстинктивную антипатию, стоило лишь ей впервые встретиться с ним взглядом, но также и низкую животную страсть в ответ на его мужественность.

Бедра ее продолжали неистово тереться о низ живота Ритчи.

– Не стану этого отрицать, мисс Уэверли. Я хочу лично убедиться, действительно ли ваше восхитительное тело столь сладострастно, каким оно предстает на небезызвестных снимках. Я мечтаю прикасаться к вашей коже, ласкать вас между ног... отведайте вкус вашего лона.

Его язык... ах, его язык...

Беатрис вдруг показалось, что потолок над ними разверзся и ночное летнее небо послало молнию, поразившую ее и лишившую возможности дышать. Ноги ее, те самые, между которыми Ритчи так жаждал зарыться головой, вдруг стали ватными, и она покачнулась.

«Нет! Нет! Нет! – с яростью подумала Беатрис, ощущая, что хватка его становится еще крепче. – Я не из тех слабонервных леди, что с готовностью падают в обморок от каждого сказанного им каким-то дикарем шокирующего слова!»

– Прошу вас не делать столь грубых заявлений, мистер Ритчи. – Напрягая спину, она попыталась высвободиться из его объятий, но они стали еще крепче. —

Своими словами вам, может быть, и удастся произвести впечатление на определенный тип женщин, но лично я нахожу их скучными и ребяческими.

– Ах, Беатрис, какая же вы лгунья. – Дыхание Ритчи, омывающее ее щеку, было столь же сладким и чистым, сколь порочными казались его слова. От него едва различимо пахло виски, и уже только это обстоятельство заставляло Беатрис желать отведать его *на вкус*. Его рот... его кожу... ах, и его член тоже.

«Да, его член, – подумала она. – Мне нравится называть так эту часть его тела».

То были дикие мысли, даже радикальные, но они ненадолго задержались в голове Беатрис, потому что в это мгновение дьявольские твердые губы Ритчи прижались к ее губам.

Этот поцелуй ничем не был похож на те, что дарили ей Томми или Юстас. Поначалу он был сухим, но жарким, крепким и многообещающим. То были не несмелые мальчишеские исследования и не грязные извивания слюнявыми безынициативными губами. Губы Ритчи были по-деловому твердыми и полностью контролировали происходящее. Даже когда он проник к Беатрис в рот, она испытала совсем иные, нежели прежде, ощущения. Язык его был средоточием власти, он пронзал ее рот, поработая, и она чувствовала это воздействие и у себя между ног, как он и говорил.

Во время их побега из оранжереи Беатрис отняла у Ритчи свои вещи, но теперь, дрожащим языком пробуя на вкус его рот, она совершенно позабыла и о сумочке, и о веере, и о танцевальной карте, уронив все это на ковер. Руки нужны были ей незанятыми, чтобы она могла изучающе ощупать спину и плечи Ритчи, скрытые пошитым из добротной ткани фракком, и прильнуть к нему всем телом, когда ноги снова отказались держать ее.

О да, руки нужны были ей для того, чтобы прижаться к Ритчи, когда бедра ее вдруг зажали собственной жизнью и стали лнуть к нему, подхваченные водоворотом божественного безумия и отчаянной нужды по тому же интимному действию, каким наслаждались Шамфлёры.

Ее тело наэлектризовалось, будто вдруг наполнилось той же изначальной силой, что освещала особняк, в котором они сейчас находились, и прометеева мощь растекалась по всему телу, заполняя каждый нерв и каждую клеточку. Беатрис ощущала себя восхитительно живой и охваченной пламенем, она испытывала непреодолимое томительное желание прижаться своим обнаженным телом к телу Ритчи, познать каждый его дойм.

По сравнению с тем, что она сейчас чувствовала, безумное стремление сбросить одежду и позировать обнаженной для фотокамеры Юстаса показалось ей вдруг не более чем невразумительным капризом. Потребность же обнажиться для Ритчи и вместе с Ритчи являлась первобытным зовом плоти, инстинктом крови, оглушительным и волнительным.

«Ага, это та самая «женская истерия», о которой иногда стыдливо упоминают в заметках определенного рода на последней странице «Лэдиз уикли джорнал», – пронеслась в голове у Беатрис мысль. – Но отчего же, ради всего святого, ее считают неприятной и побуждают всячески избегать? Тот, кто так говорит, заблуждается, сильно заблуждается! Это совершенно не так!»

Груди ее сделались необычайно чувствительными и совсем чужими, но Беатрис не могла не наслаждаться испытываемыми ею восхитительными ощущениями. Груди стало тесно в плену корсета и тончайшей нижней сорочки, и она принялась тереться о крепкое тело Ритчи, раздражая соски и пытаясь таким образом усилить воздействие на них.

– А вы горячая штучка, Беатрис, – хватая ртом воздух, произнес он, когда они отпрянули друг от друга, чтобы восстановить дыхание. Беатрис сомневалась, что ей удастся это сделать в ближайшее время. Голова ее кружилась, и виной тому была вовсе не нехватка кислорода... а сам Ритчи. – Вы являете собой все, о чем я мог только мечтать, и даже больше, моя красавица, – продолжал он, приблизив губы к ее щеке, затем зарывшись ими ей в волосы и щекоча своим подбородком ее шею. Произнося эти слова, он омывал Беатрис жаркой волной своего дыхания, а его ловкая рука нырнула ей под юбку, безошибочно и умело отыскивая свою цель. Ладонь его скользила все выше и выше, пальцы споро продирались через многочисленные слои нижних юбок, пока, наконец, не сомкнулись на круглой ягодице, скрытой тканью панталон.

Беатрис задохнулась от неожиданности и снова забилась в руках Ритчи, пытаясь высвободиться, но, как и прежде, он без труда прижал ее к себе и снова накрыл ее губы поцелуем. В девушке теснились противоречивые желания. Догматы благовоспитанного поведения, некогда накрепко заученные ею, вступили в борьбу с восхитительными новыми желаниями: жаждой быть обласканной, попробованной на вкус этим мужчиной. Ей хотелось полностью раскрыться перед ним и устремиться навстречу всему, что он мог бы предложить ей.

Битва в ее душе закончилась, едва начавшись, и Беатрис растаяла от поцелуя Ритчи, точно мед. Когда он снова сжал ее ягодицы, она чуть не замурлыкала в ответ, как сытый ленивый котенок, реагирующий на ласку. Ей оставалось лишь порадоваться тому, что большие, искусно изготовленные турнюры³ вышли из моды и Ритчи может обнимать ее, не нуждаясь в преодолении дополнительного препятствия.

«Это же возмутительно! Как я вообще могу о подобном думать? – недоумевала она. – Как это обычный поцелуй мог оказать на меня подобное воздействие?»

Мысль эта тут же пропала, растворившись в океане чувственности.

«Как это обычный поцелуй мог оказать на меня подобное воздействие?»

Охваченный шокирующим по силе желанием, Ритчи священнодействовал языком во рту Беатрис Уэверли. Он возжелал обладать этой женщиной в тот самый момент, как впервые увидел ее фотографию, но... реальность многократно превзошла все его самые дикие фантазии.

Все в ней волновало его: мягкие губы, которыми, как рисовало его воображение, она станет охватывать его половой орган; роскошное тело, извивающееся в экстазе, когда в своих мечтах он ласкал ее пальцами и языком, снова и снова вознося на вершину блаженства. Ритчи представлял, как станет гладить ее крепкие округлые ягодицы, которые будут чутко реагировать на прикосновение его ладоней. Беатрис явно приходились по душе чувственные наслаждения, хотя она сама мало что об этом знала, и капелька порочности лишь добавила ее удовольствию пикантности.

О да, он мечтал о том, чтобы она достигла вершины блаженства, чтобы испытала множественный оргазм, безоговорочно капитулировала. Ритчи хотел видеть ее обнаженной, хотел

³ Турнюр – модное в 1870—1880-х годах приспособление в виде подушечки, которая подкладывалась дамами сзади под платье ниже талии для придания пышности фигуре.

наслаждаться ею во всех смыслах, руками и губами, а также и с помощью дюжины сексуальных приспособлений. Он мечтал привязать ее к постели, чтобы беспрепятственно входить в ее лоно, растворяясь в аромате ландыша и женского мускуса, забывая обо всех горестях, когда-либо тревоживших его. В плоти Беатрис он мог бы познать забвение и обрести наконец душевный покой.

Он просто обязан овладеть ею.

Но как это сделать?

Что он может ей предложить?

Ритчи понимал, что поспешное животное совокупление не принесет ему удовлетворения. Но согласится ли Беатрис Уэверли на *grande affaire*⁴, эту неподобающую приземленную связь между двоими взрослыми людьми? Женщина ее возраста и положения в обществе обычно стремится выйти замуж, но то, что она позировала обнаженной перед фотокамерой, явно свидетельствовало о ее куда более свободных взглядах, чем принято в обществе.

Но Ритчи не оставляла мысль, что в Беатрис скрывается нечто гораздо большее, чем просто сладострастная молодая женщина. Что, если она отклонит его предложение? При мысли о том, что она откажет ему, лишив возможности познать ее восхитительное тело, в сердце его возникло чувство схожее с отчаянием.

Подобного не должно произойти. Он обладает властью, возможностями и неограниченным количеством денег; он задействует разнообразные тактические ходы, чтобы заполучить Беатрис. В потаенном уголке его сознания зашевелилось чувство вины – и отвращение к собственным своекорыстным интересам, – но уколы его были едва ощутимы и быстро померкли на фоне мощного зова плоти и необъяснимого томления в груди.

На Ритчи нахлынула жаркая волна вожделения, но, невзирая на это, он уже начал строить планы. Особенно выгодным для него казалось то обстоятельство, что брат Беатрис не умеет разумно распоряжаться деньгами!

⁴ Любовная связь (*фр.*).

Глава 3

Искушение благородной дамы

Именно такие ощущения, должно быть, испытывает тонущий человек – погружение в колодезь страсти. За считанные минуты превратившись в жаждущую наслаждений женщину, Беатрис издала вздох недовольства, когда Ритчи оторвался от ее губ.

Она хотела продолжить поцелуй и, вплетая пальцы в его густые выющиеся волосы, пыталась снова притянуть к себе его голову. В этом призрачном мире реальными ей казались лишь руки Ритчи и его рот.

– Нет-нет, мисс Уэверли, – произнес он с мягким дразнящим смешком. – Вы же не хотите, чтобы я еще больше вас скомпрометировал, прямо здесь, на этом ковре?

Он кивком указал на узкую полоску турецкого ковра, устилающего пол в коридоре, в котором они сейчас находились. Беатрис непонимающе заморгала. «Как мы сюда попали?» – недоуменно подумала она, чувствуя себя настолько дезориентированной, что не могла вымолвить ни слова. Ей оставалось лишь молча взирать на Эдмунда Элсворта Ритчи и глупо хлопать глазами.

В чувство Беатрис привела его улыбка, твердая, собственническая, изголодавшаяся, насмешливая. Ритчи явно забавлялся тем, как охотно она превратилась в распутную женщину, стоило ей лишь оказаться в его объятиях. Как бы то ни было, изгиб его губ возбуждал ее и заставлял жаждать новых поцелуев.

По всему телу.

«Ласкать вас между ног... отведать вкус вашего лона...» – вспоминала она его слова.

Боже всемогущий, какие ощущения она при этом испытает? Язык Ритчи, хозяйничающий у нее во рту, лишь обострял ощущения. Если же он коснется ее *между ног* и станет ласкать *там*, она и вовсе лишится рассудка.

Но Беатрис накатила расслабляющая истома, заставляя желать то, о чем еще час назад она не могла и помыслить.

«Боже всемогущий, что я делаю? – спрашивала она себя. – Я снова позволяю этому человеку вскружить мне голову».

– Прошу вас, мистер Ритчи, отпустите меня. Мне нужно вернуться в балльный зал и найти брата. – Беатрис вывернулась из кольца его рук, и юбки ее упали, точно занавес по окончании оперетты.

Это, совершенно очевидно, фарс...

Высвободившись и поправив одежду, она наклонилась, чтобы собрать свои разбросанные по полу вещи.

– У меня в карте записано еще несколько танцев, джентльмены ждут.

– Пусть катятся ко всем чертям!

Ритчи выхватил танцевальную карту у девушки из рук и, схватив длинными проворными пальцами прилегающий к ней карандаш, густо зачеркнул все обозначенные в ней имена и нацарапал свое.

– Мистер Ритчи, не нужно вести себя столь своенравно. И столь грубо.

– У меня есть веские основания поступать своенравно. Когда я вижу вас... касаюсь вас, я хочу, чтобы вы принадлежали лишь мне одному. – Заметив, что он колеблется, Беатрис сделала было шаг вперед, но он тут же снова схватил ее за руку. – Нам требуется провести больше времени в обществе друг друга, поэтому не станем действовать второпях. Чувственными радостями следует наслаждаться медленно, как лучшими яствами на пиру. – Сильнее

сжав ее пальцы, Ритчи потянул Беатрис за собой к приоткрытой двери, расположенной чуть дальше по коридору.

– Я не пойду туда... пировать с вами. Мне нужно вернуться в зал. Чарли станет волноваться.

Ритчи продолжал тянуть Беатрис за собой, и она, не в силах дольше противиться, шагнула вперед, сжав зубы и злясь больше на себя, чем на этого несносного сильного мужчину, ведущего ее за собой. Усвоив урок, преподанный ей Юстасом, она не собиралась снова позволять какому-либо представителю мужского рода обижать себя.

– Ваш брат слишком занят либо выпивкой, либо игрой в карты, либо еще чем-то в этом роде, и ему некогда беспокоиться о вас. Если, конечно, *вы* не являетесь величайшей ценностью, о которой он очень печется.

– Не преувеличивайте, пожалуйста!

Беатрис почувствовала одновременно и озноб и жар. Могут ли его слова оказаться правдой? Чарли неоднократно сокрушался о том, что ее запятнанная репутация уничтожила для нее возможность удачно выйти замуж и поправить таким образом как собственное финансовое состояние, так и состояние Чарли. Какими соображениями руководствовался ее брат, когда разум его был затуманен парами бренди?

Мгновенное колебание оказалось для Беатрис роковым, и Ритчи немедленно увлек ее за собой точно так же, как он поступил и в оранжерее. Не успела она и глазом моргнуть, как он затолкал ее в какую-то тесную комнатунку, очевидно кабинет или курительную комнату – прибежище мужчины, все стены в котором были уставлены книгами. С видом триумфатора Ритчи повернул ключ в замке.

Беатрис назад, стараясь отойти как можно дальше от своего тюремщика. В ней клокотал страх, но внизу живота разливалась восхитительная истома. Она же считалась женщиной с дурной репутацией, так отчего бы не повести себя так, как приписывает ей молва? Зачем страдать от гонений, которым она подвергается, точно великая блудница, даже не вкусив плода с древа удовольствий?

Но девичьи фантазии душным полднем – это одно, а вот столкновение с охваченным страстью мужчиной – совсем другое.

– Не смотрите на меня точно испуганная мышка, Беатрис, – хмуря густые брови, произнес Ритчи. – Несомненно, такая опытная девушка, как вы, не станет страшиться побыть наедине с мужчиной.

«Нет у меня никакого опыта, – хотелось закричать ей. – Меня обманом заставили позировать для тех снимков. Я даже не знаю наверняка, касались ли меня, пока я спала, или нет».

Да, в некотором роде ее можно сравнить с мышкой. Но она не собиралась признаваться в том, что на самом деле произошло, ведь в противном случае Ритчи сочтет ее легковой дурочкой и посмеется над ней. Уж ему-то было отлично известно, что сам он мог бы улестить ее на совершение самых изощренных распутств, какие только можно вообразить.

– Нет, я вовсе не боюсь вас, мистер Ритчи, – произнесла Беатрис, устремив на него немигающий взгляд. Затем, нащупав позади себя краешек стула, она опустилась на него, изображая хладнокровие, которое в действительности давно ее покинуло. – Просто мне не очень приятно ваше общество, поэтому не вижу причин, по которым мне следует позволять вам подобные вольности. Даже учитывая мой *опыт*.

Ритчи покачал головой. Губы его изогнулись в улыбке, и он, казалось, был впечатлен и несколько озадачен ее тирадой.

– Да что вам стоит даровать мне малую толику вольностей, а, Беатрис? – Он навис над ней и замер, глядя сверху вниз, точно великан, колосс, мощная аура власти исходила от него. – Мне есть что предложить вам. Очень многое.

Беатрис нервно сглотнула. Перед ней стоял мужчина, который все еще был возбужден и которому действительно было что ей предложить. Бросив взгляд на его пах из-под полуопущенных ресниц, она снова воззрилась прямо ему в глаза.

– Вы соблазнительная женщина, очень соблазнительная. – Он обхватил ладонями ее лицо, и на мгновение Беатрис показалось, что он намерен притянуть ее к себе и, возможно, быстро расстегнув ширинку, предложить свой член, как Эмброуз Шамфлёр поступил с Софией. – И это тоже искушает меня, мисс Уэверли. – Ритчи мягко рассмеялся, будто ему удалось увидеть те непристойные картины, что рисовало ей ее сознание. Уж не наделен ли он и в самом деле сверхъестественными способностями?

Дрожа всем телом, Беатрис отвернулась. Если этот мужчина способен читать ее мысли, то ее желания и подавно сумеет угадать. И поймет, что ей настолько сильно хочется ласкать его самым интимным образом, что она готова сама расстегнуть ему брюки.

«Я совсем сошла с ума, – подумала она. – Я знакома с этим человеком не более часа... а он уже превратил меня в распутницу и рабу плотских желаний».

Пальцы его легли ей на щеку. Прикосновение было легким как пух, но для Беатрис ничего иного и не требовалось. Она прильнула к нему, точно кошка, жаждущая ласки, и стала тереться лицом о его ладонь, а когда он надавил чуть сильнее, она и помыслить не могла воспротивиться его желанию.

Беатрис прижалась лицом к его промежности, чувствуя доказательство его желания.

Член его даже через ткань брюк казался удивительно твердым, теплым, живым. Он пульсировал, точно был наделен способностью ощущать. Вспомнив, с каким энтузиазмом ублажала мужа София Шамфлёр, Беатрис почувствовала, что во рту у нее скопилась слюна, и она, повинаясь инстинкту, потерлась щекой о ширинку Ритчи. Она понятия не имела, какой эффект вызовет ее действие, но, заслышав низкий стон удовольствия, поняла, что находится на верном пути.

– Дорогая... дорогая... – Голос Ритчи дрожал и был совсем не похож на голос мужчины, который искушал ее прежде и контролировал без каких-либо усилий. Теперь он сам балансировал на грани пропасти, и мысль об этом одновременно и волновала, и пугала Беатрис.

Ритчи обладал такой физической силой, что мог бы просто повалить ее на ковер и взять силой. Хотя пульсирующее между ног желание и свидетельствовало о том, как сильно она этого в действительности хочет, инстинкт самосохранения рассказывал совсем иную историю.

«Не позволяй ему заполучить тебя столь легко, – увещевал он. – Всегда, всегда помни о том, как одурачил тебя Юстас. С этого самого момента ты никогда не должна позволять мужчинам главенствовать над собой».

Еще раз проведя щекой по паху Ритчи, Беатрис высвободилась из его рук и, извиваясь, точно угорь, отползла в сторону. Вскочив на ноги, она отошла на некоторое расстояние, подальше от Ритчи.

– Боюсь, что бы вы мне ни предложили, мистер Ритчи, этого будет недостаточно, чтобы ввести меня в искушение. – Насмешливо изогнув губы, она многозначительно воззрилась на бугорок у него между ног.

– Сомневаюсь. – Он не опустил глаза, лишь нахмурил брови.

– А вот я в этом абсолютно уверена. – Беатрис понимала, как опасно для нее оставаться наедине с этим мужчиной. Ей нужно выбираться отсюда. – А теперь, если вам больше нечего мне сказать, я возвращаюсь в бальный зал.

Развернувшись, она устремилась к двери, не дожидаясь ответа. Спасение было совсем близко, нужно было лишь повернуть торчащий в замке ключ.

Рука Ритчи схватила ее, не дав сделать больше ни шагу.

Как это ему удастся передвигаться столь быстро? И бесшумно? Неужели этот треклятый человек и в самом деле обладает сверхъестественными способностями? Может, например, находиться в двух местах одновременно? Или перемещаться со скоростью звука?

– Останьтесь, Беатрис. Позвольте предложить вам кое-что. – Снова прикасаясь ладонью без перчатки к обнаженному участку кожи у нее на плече, он развернул ее лицом к себе. От этого касания по телу ее разбегались странные искры, устремляясь в самые сокровенные и чувствительные зоны. Беатрис совсем было собралась открыть рот и сказать, что ему нечего ей предложить, но Ритчи опередил ее, заговорив низким уверенным голосом: – Раз я не могу соблазнить вас одной своей выдающейся личностью или искусностью в постели, возможно, мне стоит сделать вам деловое предложение?

Беатрис вдруг стало нечем дышать. Когда же ее легкие наконец снова смогли наполниться воздухом, грудь стала тревожно вздыматься и опускаться в украшенном вышивкой вырезе платья. Бросив взгляд вниз, Ритчи восхищенно выдохнул.

– Прошу вас, пустите меня, мистер Ритчи. Вы не можете предложить мне ничего такого, в чем я нуждаюсь.

– Вы лгунья, моя милая. Ваши глаза, ваше раскрасневшееся личико и то, как вы задыхаетесь, – все рассказывает мне совсем иную историю. Но это так, между прочим. – Он прищурился, в одно мгновение превратившись в безжалостного человека. – Я предлагаю оплатить ваши долги и долги вашего брата, которые, кстати сказать, очень велики, гораздо больше, чем вы можете предположить. Также я стану ежегодно выплачивать вам обоим определенную сумму, на которую вы станете безбедно существовать до конца своих дней.

Беатрис открывала и закрывала рот, точно рыба в пруду оранжереи. Она понимала, что выглядит глупо, но ничего не могла с этим поделать.

Ей было отлично известно, насколько большую опасность представляют их с братом долги. Многие достались им после смерти отца, хорошего человека, но никудышного управляющего, из-за которого они и лишились Вестерлинна, когда он скончался.

Но имелись и другие задолженности, возникшие недавно. Чарли нравилось думать, что он утаивает от нее печальное состояние дел, но это было то же самое, что пытаться с помощью кружевного платочка очистить болото. Все предложения Беатрис помочь в разработке стратегии всегда отменялись братом с ворчаньем, чтобы она не вмешивалась в «мужские дела».

Ритчи не делал секрета из того, что именно он хочет получить в обмен на свою помощь, и убедился, что Беатрис тоже это поняла. То было древнее как мир соглашение, которое женщина могла либо отвергнуть, либо принять, если являлась особой практичной. Предполагается, что хорошо воспитанные молодые девушки вообще не должны знать о подобных вещах, но они могли без труда прочесть об этом в сентиментальных романах или газетах вроде «Марриотт монд». Дамы, состоящие в женском швейном кружке, очень любили перешептываться о скандалах с участием девиц легкого поведения, посмеиваясь над ними и смакуя подробности.

«Я стою на краю обрыва, – подумала Беатрис. – Достаточно сделать лишь шаг – и я сорвусь в пропасть. – Не в силах сдержаться, она прижала руку к груди, не сомневаясь, что сердце ее бьется так сильно, что сокращения его можно увидеть невооруженным глазом. – Но я так не поступлю, ведь это в любом случае будет означать гибель как для Чарли, так и для меня самой».

Что может быть хуже, чем все потерять? Беатрис знала, что могла бы как-то прожить, найти жилье и поступить на работу со скромным жалованьем. Ее всегда занимала мысль о том, чтобы научиться печатать на машинке. Но что будет с Чарли? При всей его бравате он в действительности еще более беспомощен и несообразителен, чем она сама.

– На какой срок? – Сделав глубокий вдох и прищурившись, она посмотрела Ритчи в глаза. – На какой срок я буду... *нужна* вам?

– Нужна мне?

Беатрис показалось, что она в самом деле видит, как в глубине его темно-синих глаз завертелись колеса дьявольской счетной машины.

– Ах, перестаньте, мистер Ритчи, нам обоим известно, что вы не предлагаете мне ничего достойного. Речь идет не о помолвке или замужестве, потому что в таком случае вы рассыпались бы в любезностях и покрывали поцелуями мне руки, а также спрашивали бы разрешения прийти к нам на чай, чтобы переговорить с моим братом.

– Вы очень проникательны, Беатрис. И мне это нравится. Как я вижу, мы сумеем договориться.

Ритчи ослабил хватку, но в следующее мгновение, изогнув запястье, провел рукой по груди Беатрис, нежно щекоча костяшками пальцев сосок через скрывающие его корсет и платье.

Даже через слои одежды она ощущала демоническое воздействие Ритчи. Хотя он едва касался соска, тот напрягся, а по всему телу стали растекаться волны ощущений, собираясь в потайном местечке между ног. Беатрис не могла поверить, что является такой распутницей, которую самая незначительная ласка может повергнуть в пучину безумия.

«Но так ли уж это плохо?» – размышляла она.

Вопрос этот был не праздным, так как границы того, во что она верила и что ценила, в настоящее время претерпевали значительные изменения и трансформации. Она больше не была той женщиной, которая прибыла вечером на бал.

Пришло время дать их соглашению верное название.

– Так на какой срок я буду нужна вам в качестве шлюхи, мистер Ритчи? Я пойду на этот шаг, но с одним условием – период времени должен быть определен совершенно четко. Когда он истечет, я просто забуду, что вы когда-либо прикасались ко мне.

Все еще лаская ее грудь, Ритчи рассмеялся неожиданно юным и задорным смехом, запрокинув голову. Его белоснежные зубы поблескивали в свете лампы.

– Вы поступаете очень мудро, Беатрис, решив сразу определить условия сделки. Если бы я продавал свое тело за деньги, то поступил бы так же. – Тут он склонился ближе к девушке, омывая дыханием ей шею и обволакивая сознание ароматом своего лосьона после бритья, и прошептал ей на ухо: – Однако не думаю, что вам удастся столь легко забыть о моих прикосновениях. Хотите, проверим? – Не дожидаясь ответа, Ритчи подхватил ее многочисленные юбки и стал поднимать их вверх. – Маленькая демонстрация того, что мы можем ожидать... *друг от друга.*

Он запечатлел на шее Беатрис жадный поцелуй, после чего целиком сосредоточил внимание на подоле ее платья, приподнимая все слои нижних юбок и готовясь запустить под них обе руки. Эдмунд Элсворт Ритчи, несомненно, был опытным моряком, привыкшим плавать в галантерейных водах океана французских тканей и кружев, хлопка и льна.

«Мне следует остановить его, – пронеслось у нее в голове. – Все происходит слишком быстро. Он слишком много себе позволяет».

Беатрис понимала, что Ритчи намеревается сделать гораздо больше того, чего уже достиг, и не прошло и нескольких секунд, как она сама стала помогать ему, придерживая юбки, в то время как он скользнул пальцами в гигиеническое отверстие ее панталон.

Хвала Провидению, что для сегодняшнего вечера она выбрала нижнее белье именно такого покроя, ведь это значительно облегчало отправление малой нужды при таком количестве нижних юбок. Беатрис прислонилась спиной к двери, не замечая неудобства своего положения.

Все, о чем она могла думать, что могла чувствовать, каждая мысль в голове – все было подчинено требованиям ее томящегося лона. Когда Ритчи коснулся его, легко раздвинул пальцами шелковистые волоски и проник в манящую пещерку, Беатрис громко застонала. Бедрa ее

судорожно задвигались, когда он нащупал ее крошечный бугорок удовольствия и стал ласкать его медленными, ленивыми движениями.

Растворяясь в наслаждении, дарованном ей Ритчи, она потянулась к нему и уронила юбки, совершенно забыв о них. Обхватив его руками за шею, она отчаянно вцепилась в него, точно он был спасительным утесом в бушующем море, без которого она неминуемо бы утонула. Она двигала ногами, раскачивала бедрами, но Ритчи продолжал ласкать ее, не сбиваясь с ритма.

Из горла ее вырвался протяжный стон, столь непривычный ее уху, что она могла бы счесть его за вопль упыря или иной нечисти.

– Вы часто ласкаете себя, Беатрис?

Нет! Ни одна благовоспитанная дама в этом не признается.

Но она именно так и поступала – о да! – находясь в тишине своей одинокой спальни.

– Отвечайте мне! Если вы признаетесь, что ласкаете свой клитор, я удвою ваше годовое содержание.

Беатрис прикусила губу, безуспешно пытаясь сдержать рвущиеся из ее горла непривычные звуки. Ритчи может повелевать ее телом, но никогда не заставит сделать столь интимное признание, даже посулив десятикратно увеличить ее содержание!

– Не нужно бороться со мной, моя сладкая девочка. Не нужно. Я всего лишь хочу доставить вам удовольствие и услышать, как вы описываете мне свои интимные игры.

Он снова поцеловал ее в шею, скользя языком по коже в едином ритме с ласкающим клитор пальцем.

Беатрис снова застонала, запрокинув голову. Она могла плакать, кричать и издавать иные дикие, животные звуки, но признания ему от нее так и не добиться.

– Так вот, значит, как, да? – Ритчи рассмеялся, и девушке показалось, что его хриплый голос пульсирует в ее лоне вместе с его пальцами. – Возможно, вы расскажете мне обо всем в следующий раз. А пока я лишь хочу вознести вас на вершину блаженства.

Пальцы Ритчи быстрее задвигались по кругу. Беатрис крепче вцепилась руками ему в шею, а он запустил ей под юбки вторую руку, просунув ее ей в панталоны сзади.

«О нет! О нет! Пожалуйста, не нужно!» – мысленно взмолилась она.

Все размышления вдруг стали бессмысленными. Само ее сознание превратилось в бессмыслицу, и лишь тело знало, чего хочет, от чего получит удовольствие.

Когда Ритчи принялся круговыми движениями опоясывать ее ягодичцы, касаясь и чувствительной канавки между ними, Беатрис изогнулась, точно тетива, и испытала оргазм. Волны наслаждения колыхались внизу ее живота, а клитор пульсировал, будто миниатюрное сердце, чутко реагируя на манипуляции умелых пальцев Ритчи.

Пребывая на грани обморока, Беатрис металась и дергалась, крепко прижимаясь к нему, а ощутив прилив второй волны удовольствия, зарылась лицом ему в шею, сдвинув в сторону воротник и прикусывая зубами кожу. У Ритчи вырвалось проклятие, но он со смехом продолжал ублажать девушку.

– Довольно, ах, прошу вас... пожалуйста, хватит, – задыхаясь, бормотала она. Нижняя сорочка ее была мокра от пота, кожа горела огнем, и всякую секунду она рисковала лишиться чувств. Беатрис отдавала себе отчет в том, что ее собственные острожные прикосновения к лону действительно рождали приятные ощущения, но они ни в какое сравнение не шли с тем, что она испытывала сейчас. О нет! Как бы хорошо ей ни было, она опасалась, что еще более интенсивного ощущения ей просто не перенести.

– Вы уверены? Вы совершенно уверены? – Ритчи тоже задыхался, голос его звучал прерывисто, будто он только что пробежал без остановки дюжину миль. – Такая женщина, как вы, способна получать удовольствие бесконечно.

«Такая женщина, как вы», – мысленно повторила Беатрис.

Когда Ритчи наконец убрал руки, наградив ее финальным нежным шлепком, Беатрис тут же упала с небес на землю, снова оказавшись в суровой действительности, где за каждое действие нужно расплачиваться. Она сердилась на Ритчи, но еще больше на себя и Юстаса.

По *большей* части все же на себя. Она сетовала на свою доверчивость и рискованное желание получить хоть немного любви. Будь она чуть более благоразумной, никогда не довела бы себя до такой беды.

Нашупывая пол под ногами, Беатрис отстранилась от Ритчи, машинально разглаживая руками опустившийся подол платья. Однако, как бы тщательно она ни приводила в порядок одежду, это не могло изменить того, что только что случилось в этой комнате.

– Вы же не можете вести себя так, будто ничего не произошло, и вам отлично об этом известно. – Ритчи воззрился на нее долгим пронзительным взглядом. В глазах его плясали веселые чертики. – У меня есть доказательство. – Медленным сладострастным жестом он поднес правую руку к губам и принялся облизывать пальцы, которыми несколько мгновений назад так восхитительно ласкал ее. – М-м-м-м... как вкусно. Боюсь, я могу пристраститься к этому.

– Вы мне омерзительны, мистер Ритчи. – Беатрис зашагала через комнату к буфету, на котором на серебряном подносе стояли графины и хрустальные стаканы. Впервые в жизни она наливала себя алкоголь так, как обычно делают мужчины, но небольшой глоточек ароматного бренди помог бы успокоить нервы. Она посмотрела на Ритчи поверх ободка стакана, и увиденное заставило ее улыбнуться. В следующее мгновение она хлебнула живительный напиток.

На шее Ритчи, чуть повыше высокого накрахмаленного воротника, красовалось яркое красное пятно, а между ног еще не опала внушительных размеров выпуклость.

«И поделом! – подумала Беатрис. – Надеюсь, что эта штука доставляет множество хлопот, потому что я определенно не собираюсь облегчать ваши страдания».

– Вы можете помочь мне вот с этим, – произнес Ритчи, который, следуя направлению ее взгляда, тоже посмотрел вниз. Его длинные ресницы трепетали. – Уверен, вы знаете, что делать.

– Разумеется, знаю, мистер Ритчи, но, боюсь, в настоящее время я не расположена оказывать вам такую услугу.

Со стуком поставив стакан обратно на поднос, Беатрис вихрем пронеслась по комнате, собирая свои вещи: веер, сумочку и танцевальную карту. Она наполовину ожидала, что Ритчи перехватит ее, снова продемонстрировав чудеса скоростного перемещения, но он оставался стоять на том же самом месте и даже отступил на шаг, давая ей пройти к двери.

– Вы провели свою демонстрацию и ничего от меня больше не дожидаетесь до тех пор, пока я не увижу ваше... предложение изложенным в письменном виде. Не располагая ни имуществом, ни добрым именем, я хочу быть уверенной в том, что приобрету от нашей сделки, прежде чем отдам что-нибудь взамен.

Ритчи покачал головой. Лицо его одновременно выражало и восхищение, и неприкрытое желание.

– Вы ведете себя как проницательная деловая женщина, Беатрис. – Он потер шею в том месте, где она укусила его, будто мысленно добавляя к контракту несколько пунктов. – На вашем месте я поступил бы так же. Завтра вы получите от меня письмо.

«Все так просто?» – мысленно удивилась она. Да, выходит, что так. Письменные формальности – это лишь незначительная часть соглашения. Самая малозначащая.

– Отлично. Превосходно. Буду ждать с нетерпением. – Она повернула ключ в замочной скважине и, взявшись за ручку, распахнула дверь. Сердце ее при этом неистово колотилось. Еще несколько минут назад этот треклятый мужчина задыхался, точно пробежал марафон, а теперь она и сама испытывала схожие ощущения. Только бежать ей пришлось гораздо более длинную дистанцию. – Желаю вам добрых снов, мистер Ритчи. Думаю, пришло время мне отправляться домой. Я чувствую усталость и нуждаюсь в отдыхе.

Задержавшись еще на мгновение, чтобы дать ему возможность отвесить ей учтивый поклон, и не дожидаясь неизбежно последующей за этим ухмылки, Беатрис выскочила в коридор и с громким стуком захлопнула за собой дверь. Она не могла отрицать, что подобное поведение в высшей степени невежливо, но после того, что произошло в этой самой комнате, рамки приличия для нее навсегда сместились.

Последует ли Ритчи за ней? Секунду-другую девушка выжидала, но дверь не открылась. Она сочла, что это к лучшему, но не могла понять, отчего же тогда сердце ее разочарованно упало?

«Что я наделала? – вопрошала она себя. – Боже всемогущий, что я наделала?»

Она до сих пор ощущала его прикосновение к своему лону.

В коридоре царил безмолвие, но мысленно Беатрис слышала смех Эдмунда Эллсворта Ритчи.

Глава 4

В тусклом свете луны

Выйдя на залитую светом террасу, Чарли Уэверли вдохнул полной грудью и, пошатываясь, стал спускаться по широким ступеням, ведущим в сад.

Голова его кружилась, сердце неистово колотилось в груди. Вопреки его ожиданиям, вечер оказался далеко не приятным. Совсем не приятным. Большую часть времени ему пришлось всеми силами стараться не попасться на глаза паре приятелей из клуба, которым он задолжал крупную сумму. И в довершение всех несчастий его сестра Беа была замечена беседующей с треклятым волокитой Эдмундом Эллсвортом Ритчи. И это вместо того, чтобы попытаться спасти свою запятнанную репутацию и вести себя так, как подобает благовоспитанной молодой леди, рассчитывающей выйти замуж! Этот человек был столь же недостоин уважения, сколь и богат, но Чарли был бы готов закрыть глаза на первое обстоятельство в угоду второму, не зная он, что Ритчи поклялся никогда больше не связывать себя узами брака. Ходили слухи, что он потерял не одну, а целых две жены. Делались намеки на некие загадочные обстоятельства и гнусности, но они конечно же замалчивались из-за непомерного богатства мерзавца.

Чарли нахмурился, мечтая о глотке бренди, хотя уже сейчас нетвердо держался на ногах. Партия в карты также помогла бы ему развеяться, хотя, вероятно, он в очередной раз проиграл бы.

Все, что ему оставалось, – это выкурить сигарету. То было меньшее из зол, но и оно помогло бы успокоить нервы. Остановившись на мгновение, чтобы вытащить серебряный портсигар и прикурить дешевую папироску, Чарли обернулся и только тут осознал, что отошел на значительное расстояние от террасы и почти потерялся среди кустов ракитника.

«Мне следует отправиться искать Беа, – подумал он. – Я должен защищать ее, оберегать и держать на расстоянии от типов вроде Ритчи и Юстаса Ллойда. Моей сестре нужен хороший человек, не лишенный средств к существованию, чтобы создать с ним семью и родить детей. Нет ничего хорошего в том, что мы с ней живем вдвоем на Саут-Малберри-стрит. Дом обходится слишком дорого, да и мы действуем друг другу на нервы».

Бедняжка Беа. Чарли обожал ее, но собственное чувство вины заставляло его быть нетерпимым с нею. Его сестра обладала жарким, необузданным темпераментом, и он очень любил ее за это. Но подобные качества ничуть не помогали в поиске хорошего мужа. Даже беспорочная красота не уберегла ее от беды, в которую она угодила по собственной вине, отважившись позировать для откровенных фотоснимков. Если бы Беатрис согласилась предать огласке имя Ллойда, назвав его тем самым фотографом, они сумели бы получить некоторую компенсацию, но она наотрез отказывалась, заявляя, что сделанного изменить все равно нельзя. А из-за того, что она не была официально помолвлена с Ллойдом, нечего было и заикаться о нарушении договоренности с его стороны.

Теперь же непременно появится новая волна слухов с участием Беатрис и Ритчи. Чарли видел, с каким вниманием наблюдали сплетники за его сестрой и этим негодяем, с какой готовностью перешептывались. В течение нескольких следующих дней женщины станут смаковать эту новость, собираясь дома за чаем с печеньем, а мужчины в клубах по всему Лондону. Тасуя карты, попивая бренди и поедая ростбиф, они станут плести сеть похотливых рассказов о том, как этот сукин сын развратил Беатрис. Чарли уже слышал чье-то предположение о том, что она теперь «станет позировать в другой постели».

«Будь у меня хоть капля мужества, я пристрелил бы этого Юстаса Ллойда! – подумал он. – То он делает Беа предложение, то отказывается от нее потому, что она позировала обнаженной перед его камерой. Будь он проклят, ведь это именно он анонимно продал те фотографии, хотя

и божится, что не делал этого, а в результате бедняжка Беа поплатилась репутацией и осталась в одиночестве».

Чарли стоял в тени, затягиваясь сигаретой, кончик которой светился красным, точно надеясь высосать из нее деньги, и выпускал дым, испытывая чувство ненависти к самому себе за то, что не сумел уберечь сестру от несчастья.

Прошло несколько минут, и никотин и лунный свет оказали на него благотворное воздействие. В голове его теснились смутные планы и обещания, и тут Чарли вдруг почувствовал, что в саду находится кто-то еще, на расстоянии примерно фута от того места, где стоит он.

– Огонька не найдется, приятель? – Мягкий, с хрипотцой голос перенес Чарли в Вестерлинн и напомнил об одном красавце егере, к которому он в молодости питал большой интерес. Из густой тени выступил мужчина, сжимающий в руках белую курительную трубку. У него были сильные пальцы, крепкие, но расслабленные.

– Да, конечно. – Чарли вынул спички, поражаясь тому, как предательски дрожат его пальцы. Крепкий, мощный незнакомец оказался гораздо ближе, чем Чарли показалось сначала, хотя и не сделал ни единого шага вперед.

Огонек спички высветил его волевое лицо, не грубое, но слегка помятое – то было явно лицо простолюдина. И что этот человек здесь делает? Кто он такой? Слуга? Конюх? Одет он был явно не для бала, но отлично выглядел в своем простом темном костюме для прогулок и рубашке в полоску без воротника. Его густые каштановые волосы были прямыми, как колосья пшеницы, и по ним явно не помешало бы пройти гребнем.

Чарли содрогнулся всем телом, в крови вспыхнул огонь, а в животе зашевелились низменные желания. Еще одна причина понервничать, но также и испытывать волнение.

Некоторое время мужчины курили молча, но спокойный ночной воздух не оказывал успокаивающего воздействия на неистово колотящееся сердце Чарли.

«Не следует мне этого делать», – подумал он.

Как бы то ни было, некий смутный инстинкт, который Чарли едва осознавал, нашептывал ему, что курящий в тени незнакомец придерживается тех же взглядов, что и он сам. Если бы только он сам был до конца уверен в своих взглядах!

Правда заключалась в том, что Чарльз Уэверли испытывал влечение к своему полу. Каким бы противоестественным это ни казалось, факт оставался фактом. То, что он чувствовал желание и к женщинам тоже, приводило его в еще большее замешательство.

– Итак, приятель, – произнес наконец незнакомец, решив нарушить затянувшееся молчание, – что привело тебя сюда, в то время как все важные шишки пируют в особняке? Выглядишь ты как человек, отягощенный множеством проблем.

Джентльменское начало в Чарльзе Уэверли взбунтовалось. Ему следует осадить этого не в меру фамильярного парня, чтобы впредь проявлял больше уважения и не задавал вопросов личного характера. Но вторая сторона его натуры, та, что звалась попросту *Чарли* и в настоящее время пребывала в растерянности и недоумении, отчаянно жаждала излить этому незнакомцу душу... и еще кое-что. Оргазм являлся таким же способом уйти от проблем и раствориться в забытьи, как выпивка и карты.

– Допустим, что так и есть, *приятель*, – подыграл Чарли, затягиваясь сигаретой. – Мне и в самом деле есть о чем волноваться. Но вам-то до моих проблем что за дело?

– Просто сопереживаю, *сэр*. – Последнее слово было сказано без всякого уважения. – Как мне кажется, в такую замечательную ночь, как эта, не худо бы было найти способ забыться... получить сиюминутное удовольствие, не беспокоясь о том, что будет завтра.

«Ах, какой наблюдательный!» – отметил про себя Чарли.

Он гневно выпустил сигаретный дым, не в силах говорить, переполняемый запретными тайными желаниями и неким новым для него чувством, почти приводящим его в уныние. Его

печальное финансовое состояние давило на него тяжелым ярмом, и внезапное сочувствие со стороны этого незнакомца щекотало нервы.

Его новый друг негромко рассмеялся, распространяя вокруг себя низкие волны звука, и, подойдя к Чарли, вынул сигарету прямо у него изо рта и бросил на гравиевую дорожку рядом со своим собственным окурком.

– Тебе не это нужно, приятель, – чуть слышно произнес он и, взяв Чарли за руку, повел его вперед, в укромный уголок, образованный кустами, где лежали густые тени.

– Что вы делаете? – Слова эти должны были бы кипеть праведным гневом, и произносить их следовало зычным голосом. Но фраза Чарли получилась легкой и невесомой, точно лунный свет. Он хотел было добавить еще что-то, но взъерошенный незнакомец накрыл его рот собственным и поцеловал крепкими теплыми губами, прижав к выходящей в сад кухонной стене.

Чарли крутил головой и даже схватил незнакомца за отвороты пиджака, но сил бороться у него больше не было. Руки его расслабились на мускулистой, хорошо развитой груди мужчины, скрытой слоем шерстяной фланели. Спустя какую-то долю секунды Чарли сжимал отвороты пиджака совсем по-другому, а губы его при этом безмолвно молили мужчину не отстраняться.

Не прерывать поцелуя.

Чарли пьянил запах табака и виски, угадывающийся в дыхании его партнера, и ему немедленно стало интересно, где он сумел достать спиртное. Уж не украл ли из запасов своего хозяина? Точно так же, как сейчас крадет мгновения наслаждения?

Почувствовав у себя во рту теплый влажный язык партнера, Чарли захотелось застонать, точно девушке, отдающейся во власть мужчины. Крупные уверенные руки незнакомца легли на гениталии Чарли поверх брюк и стали сжимать их в дарующем наслаждение ритме.

Сжатие-отдых, сжатие-отдых. Мужское достоинство Чарли затвердело, точно железо, и подрагивало в предвкушении.

– О, великий Боже... великий Боже, – задыхаясь, приговаривал Чарли, когда партнер внезапно отстранился от его рта и стал уверенными пальцами ласкать головку его члена.

– Нет, приятель, я не Господь Бог, а всего лишь Джейми. – Его новый друг рассмеялся, не прекращая своих восхитительных манипуляций.

Ощущения переполняли Чарли. Все еще сжимая пиджак Джейми, он запрокинул голову, ударился о грубую стену особняка, но почти не почувствовал боли. Колени его подогнулись, и он сполз вниз по влажной кирпичной кладке. Он кусал губы, чтобы подавить рвущиеся наружу крики удовольствия, а бедра его выгибались навстречу дразнящим пощипывающим пальцам Джейми.

– Вам это нравится, сэр? – Подобный вопрос был излишним, как и столь дерзкое, подчеркнуто уважительное обращение, но низкий смех Джейми лишь добавлял ощущениям Чарли пикантности.

– Да, о боже, да! – Чарли уперся головой в кирпичную стену, пачкая волосы вездесущей сажей. – Мое имя Чарльз... Чарли... ах, черт побери, это восхитительно... о боже!

– Но, Чарли, мы же только начали, – выдохнул Джейми, награждая его еще одним глубоким поцелуем, а затем прикусывая нижнюю губу. – Не выпустить ли нам обезумевшего зверя на свободу?

Внезапно сквозь жаркую дымку страсти пробилась жестокая действительность. Из всех сил пытаясь вернуть себе ясность рассудка и трезвость мыслей, Чарли попытался отстраниться, и с губ его все же сорвались слова отрицания.

Но Джейми не принимал возражений. Он еще крепче сжил кончик члена Чарли, которому это мгновенное проявление жестокости показалось божественным.

– О нет, сэр, не нужно противиться мне. – Хриплый голос звучал одновременно и игриво и угрожающе. – Я хочу хорошенько рассмотреть эту милую маленькую игрушку.

– Не такую уж и маленькую, смею заверить, – простонал в ответ Чарли, пытаясь проявить некую твердость характера.

– Несомненно, – согласился Джейми, расстегивая ловкими пальцами пуговицы на ширинке Чарли... и нижнем белье.

Чарли ахнул от неожиданности, ощутив холодный ночной воздух, омывающий его мужское достоинство. Джейми высвободил его из плена одежды, и Чарли как наяву представлял свою дымящуюся от страсти и напряженную, как железо, плоть.

– Прекрасно... просто прекрасно, – пробормотал Джейми, охватывая рукой его член.

Сначала он просто держал его, слегка поглаживая большими, но проворными пальцами и одновременно покрывая лицо Чарли легкими клюющими поцелуями. То было восхитительное чувственное исследование, еще более волнительное оттого, что член Чарли по-прежнему находился в ладони Джейми. Чарли хотелось закричать, приказать ему начать сжимать его.

– Спокойно, Чарли, мой мальчик, спокойно. – На лице Джейми играла мрачная улыбка, когда он немного отстранился, чтобы посмотреть Чарли в глаза. Его собственный взгляд был жарок, но непроницаем, а пальцем он продолжал легонько и поддразнивающее водить туда и сюда по половому органу Чарли. – Я не готов, чтобы ты излился на меня... пока не готов. Прежде тебе нужно достичь пика наслаждения, мой милый мальчик.

Желудок Чарли сжался от страха и желания. Стоило ему лишь подумать об удовольствиях определенного рода, доставляемых тайно в особых заведениях, как член его напрягся еще больше и сам прыгнул в руку его партнеру.

– А ты, как я погляжу, шаловливый парень, – промурлыкал Джейми, акцент которого выдавал его деревенское происхождение. Несмотря на свое отчаянное положение, Чарли почувствовал прилив теплоты, вспомнив счастливые времена в Вестерлинне. – Но я делаю это не только для тебя, друг Чарли, по крайней мере не сегодня. – С этими словами он взял руку Чарли и прижал ее поверх собственной плоти.

Кровь бросилась в лицо Чарли, когда он ощутил под пальцами твердый стержень партнера и с мрачным удовлетворением подумал о том, чтобы удивить его демонстрацией собственного мастерства. Его ощупывающие и скользящие пальцы слегка подрагивали, а в голове возникла небывалая легкость, будто бы он выпил еще кварту бренди помимо тех нескольких стаканов, что он проглотил вдобавок к шампанскому.

Мысли о долгах и прочих неприятностях были позабыты, и, когда Джейми принялся расстегивать на себе брюки, до всего остального мира Чарли уже не было никакого дела.

Глава 5

Непристойное предложение

– Мисс Беа! Мисс Беа! Проснитесь!

Беатрис пребывала во власти сна, который цепко держал ее в своих объятиях, и тонула, но не в море, не в водах угрюмой Темзы и даже не в озере, расположенном на территории их имения Вестерлинн. Она тонула в бездонном колодце темно-синих глаз.

И скрыться от них не было никакой возможности, да она и сама этого не хотела. Ей грезилось, что ее пылающее от жара чувственности податливое тело прижимается к крепкому, мускулистому мужскому торсу.

Внезапно Беатрис открыла глаза, потрясенная двумя событиями.

Первым было то, что горничная Полли, склонившаяся над ней, трясла ее за плечо с гораздо большим усердием, чем хозяйева обычно ожидают от своих слуг.

От осознания второго и без того покрасневшие щеки Беатрис залились еще более жарким румянцем. Под одеялом подол ее ночной рубашки оказался завернутым вокруг талии, а правая рука – крепко прижатой к промежности.

Будь проклят этот человек! Это все он виноват! Он совращает ее даже во сне. Да помогут ей Небеса, когда...

– Мисс Беа! Ну же! Прошу вас, просыпайтесь! На кухне мужчины!

– Мужчины на кухне? Ради всего святого, что ты такое говоришь? Какие еще мужчины? – Беатрис поспешно вытащила руку оттуда, где она до сих пор покоилась. К счастью, она была укрыта одеялом до самого подбородка. Ей пришлось приложить много усилий, чтобы с достоинством подняться с постели. При этом она не переставала таращиться на горничную.

– Двое мужчин, мисс Беатрис. Только что прибыли к кухонной двери, и Энид впустила их внутрь. Вы же знаете, какой дурехой она может быть спросонок.

На лице Полли играл яркий румянец, точно такой же, как, по подозрениям Беатрис, украшал и ее собственные щеки. Простой утренний чепец горничной сбился набок, что случалось у нее довольно часто, и из-под него выбились одна или две прядки льняных волос.

– Зачем они здесь? И что это за люди, Полли?

Сознание Беатрис тут же принялось выдвигать предположения, одно ужаснее другого.

Когда фотографии, на которых она представала обнаженной, только начали свое хождение, снискав ей скандальную славу Сирены, множество джентльменов из третьесортных газет приходили к ее дому в надежде увидеть ее или услышать из ее уст какое-нибудь заявление. Некоторое время Беатрис вообще не могла выходить на улицу. К счастью, как это обычно бывает, произошло другое сенсационное событие, и преследующая ее толпа журналистов схлынула, но расслабляться было рано, так как за ними последовала опасность иного рода.

«Судебные приставы!» – с ужасом подумала Беатрис.

Но ведь до этого не дошло, правда? Тут она вспомнила о решении своих финансовых проблем, каким бы несовершенным и постыдным оно ни было. А если незваными гостями являлись не ужасающие приставы, возможно, то были другие подозрительные типы, слоняющиеся по их улице и по соседним в последние несколько дней. Они не пытались вступить в контакт, как делали журналисты, но просто выглядели угрожающе, и Беатрис опасалась, как бы это не оказались наемники многочисленных кредиторов Чарли.

Сильно напуганная, Беатрис села на кровати, одновременно незаметно поправляя на себе ночную сорочку. Об эротических фантазиях придется забыть на время в угоду отрезвляющей суровой действительности. Она надеялась лишь, что ей удастся урезонить этих людей и заставить подождать немного, пока Ритчи не сделает свое непристойное предложение и у нее не

появится немного денег. Потянувшись за своей шалью, Беатрис осознала, что от ее пальцев исходит определенного рода запах, который Полли конечно же сумеет распознать.

– Ты разбудила мистера Чарльза? Думаю, ему захочется самому с этим разобраться.

В действительности совсем наоборот. В ситуациях подобного рода Чарли совершенно бесполезен, и горничная поступила разумно, что прежде отправилась к Беатрис. Но сама Беатрис ни за что не стала бы оскорблять чувство собственного достоинства брата, заявившись к нему и сказав, что он совершенно безнадежен.

– Нет. В действительности... эти люди... смею сказать, что он посоветовал обратиться к вам, мисс Беатрис. Тот, который у них главный, так-то. У него для вас письмо, и он говорит, что ожидает немедленного ответа.

– Тот, который главный? Главный по какой части? И что еще за письмо?

Боже всемогущий, неужели Ритчи уже прислал свое предложение?

И «тем, кто главный» мог являться лишь один человек, чье лицо немедленно всплыло в ее сознании. Она могла бы сию секунду в мельчайших подробностях изобразить его на бумаге, не забыв и о злобещей улыбке, игравшей на его губах, когда он флиртовал с ней. Именно такое демоническое, но прекрасное выражение было на его лице, когда он касался ее.

Полли схватила со стоящего у кровати стула маленький серебряный поднос для корреспонденции и протянула его Беатрис, на которую водопадом обрушились события вчерашнего вечера.

Лицо Ритчи. Его улыбка. Его руки.

Его темно-синие глаза, горящие, точно угли. Да он же сущий дьявол во плоти!

Но хотя Эдмунд Элсворт Ритчи и был, по ее мнению, второсортным джентльменом, Беатрис не могла представить, чтобы он удовольствовался предложением подождать ответа на свое письмо на кухне. Ведь там непрестанно болтают вздор кухарка и Энид, клубится дым, сушатся скатерти и тряпки – в общем, царит беспорядок, который обычно заводится в доме с недостаточным количеством слуг.

Беатрис схватила письмо, ни секунды не сомневаясь, что оно от него. Ритчи относился к типу людей, привыкших требовать немедленного ответа. Он был заносчивым, вечно пребывающим в спешке и заставлял всех вокруг плясать под свою дудку. Он хотел купить ее тело на условиях, выгодных лишь ему одному, и жаждал подписать соглашение и скрепить его печатью до того, как у нее возникнут хоть какие-то соображения по этому поводу, не говоря уже о сомнениях. Удивительно, что Ритчи не прислал нотариуса для официального заверения договора. Или, возможно, второй человек как раз и есть адвокат? Ее ничуть не удивил бы такой поворот дел.

Как бы то ни было, держа в руках его послание, Беатрис не осмеливалась сломать печать, невзирая на то что Полли прямо-таки пританцовывала от любопытства, стоя рядом с кроватью. Прочсть предложение значило сделать его реальностью. Прошлой ночью, окутанная сиянием бальных огней, Беатрис дала Ритчи согласие, но теперь все это казалось ей не более чем возбуждающим сладострастные желания представлением, показанным диапроектором, таким же фантазмагорическим, как эротический сон, от которого она только что пробудилась.

Холодным канцелярским языком письмо сообщало об омерзительном соглашении, по которому Беатрис продает свое тело, чтобы избавиться от долгов. Она была столь «удачлива», что ей посчастливилось стать объектом желания мужчины, который обладает огромным состоянием. Но самым тревожным для нее было то, что мужчина этот оказывал на нее возбуждающее воздействие.

– Эти мужчины, Полли... Как долго они у нас пробыли? Полагаю, они слуги, а не джентльмены? А если они и в самом деле джентльмены, то о чем ты думала, не проводив их в приемную?

– Они прибыли не более пяти минут назад, мисс Беатрис. Стали стучать в дверь кухни... напугали кухарку, и Энид впустила их, прежде чем я успела ее остановить. Я хотела было сбегать за Фредом, но потом передумала. Каждый из наших непрошенных гостей стоит десяти таких, как Фред. – Комкающая фартук Полли, казалось, была охвачена таким же возбуждением и беспокойством, которые владели и Беатрис. – Светловолосый тип заявил, что не уйдет до тех пор, пока не получит ответ, написанный вашей собственной рукой.

Светловолосый? Властный и напыщенный? И ведет себя по-хозяйски, следовательно, этот мужчина...

Но при здравом размышлении Беатрис не назвала бы Ритчи напыщенным. Он был слишком умным, чтобы опускаться до подобного поведения, и ловким, умеющим убеждать развратником, который заставил ее вести себя самым скандальным и чувственным образом, внушив, что именно этого ей в действительности и хочется.

Вынудив ее допустить, нет, признать, что именно этого она и хочет.

Беатрис отложила конверт на стеганое покрывало и попыталась сосредоточиться. Какие точно слова она произнесла прошлой ночью?

«Чего я позволила ему от меня ожидать? – мучительно соображала она. – Почему я не могу вспомнить те самые слова?»

Но вот действия накрепко отпечатались в ее памяти... и собственная на них реакция. Все прочее было покрыто восхитительной и слегка волнующей дымкой. Она же не пила много шампанского? Тот стакан бренди, что она так отважно проглотила, можно было счесть скромным.

Дело было вовсе не в алкоголе. Если бы она пребывала в состоянии опьянения, то не сумела бы сегодня припомнить физические подробности. Прикосновения Ритчи, то, что он делал с нею, и то, как она ему отвечала. Но все произошедшее до сих пор в подробностях проигрывалось в ее сознании с кристальной чистотой и ясностью.

– Этот мужчина, ну, который со светлыми волосами, он не говорил, кто его послал? Выглядит ли он так, будто находится в услужении у джентльмена?

Полли прищурилась, и ее полные губы непристойно изогнулись. Беатрис сразу поняла, что этот загадочный посыльный и его приятель произвели на ее игривую горничную большое впечатление, раззадорив ее.

– Ну, он кажется парнем сообразительным. На франта вроде не похож, но держится с достоинством. С большим достоинством. – Склонив голову набок, Полли облизала губы. – Они оба такие, мисс Беа. Если бы я была знатной дамой, которой присылают письма, я бы, должна признаться, с радостью получила послание от любого из них.

Неужели Полли подмигнула, произнеся эти слова? Беатрис могла поклясться, что так оно и было. Она строго посмотрела на свою горничную, и та, избалованная до невозможности, пожалала в ответ плечами.

– А не сказал ли этот человек, от кого письмо?

– Он сообщил, что оно от джентльмена, с которым вы познакомились недавно. Добавил еще, что вы ожидаете этого послания. – Полли кивнула в сторону конверта, все еще лежащего на одеяле, точно зажигательное устройство в нарядной упаковке. – Разве вы не собираетесь вскрыть его, мисс?

– Всеу свое время, всеу свое время. – Беатрис не подняла глаз, потому что у прозорливой Полли интуиция была острой, точно бритва. Особенно когда она чувствовала, что назревает что-то скандальное. – А теперь можешь отправляться вниз и передать этому твоему «тому, кто главный», что ответ я дам, когда буду готова. Он и его приятель могут оставаться на кухне, если им так этого хочется, но предупреди, что могут прождать целый день, а тому, кто их послал, наверняка еще требуются их услуги.

– Да, мисс, так ему и скажу. – Когда Беатрис наконец встретила взглядом со своей горничной, глаза той сияли и она спешно поправляла чепец и одергивала фартук. – Но в действительности я вовсе не считаю, что это *мой* «главный» мужчина, мисс. Мне больше по душе его приятель. Он немного грубоват, но на все готов, долго упрашивать не придется, а я таких люблю.

– Полли!

Беатрис прекрасно знала, кто нравится ее горничной, и это далеко не всегда были грубоватые, но на все готовые мужчины, как она только что заявила.

– Не хотите ли чаю, мисс? Пока будете письмо читать.

Беатрис подавила улыбку. Полли, конечно, безнадежна, но сердце у нее доброе. Эта девушка находилась в услужении у Беатрис долгое время, и обстоятельства соединили их узами гораздо более крепкими, чем те, что обычно связывают служанку и госпожу. Беатрис испытывала искушение рассказать обо всем Полли, но прежде ей нужно было самой ознакомиться с содержанием письма и понять, что именно в нем говорится. Она не хотела, чтобы горничная отвлекала ее.

– Да, спасибо, Полли. И нашим посетителям можешь также предложить чаю.

Полли присела в реверансе и забрала у Беатрис серебряный поднос.

– Не разбудить ли мне в таком случае мистера Чарльза? – Она немного помолчала, глядя на хозяйку пронизательным взглядом, потом спросила: – Или вы одна со всем разберетесь?

Вмешивать во все это Чарли сейчас значило еще больше усложнить и без того непростую ситуацию. Он, конечно, хотел бы исполнять роль «хозяина дома», как на его месте поступил бы любой брат, стремящийся оберегать свою сестру. Однако Беатрис сочла, что будет лучше поставить Чарли перед совершившимся фактом, когда все финансовые вопросы уже будут улажены. Прошлой ночью, когда они возвращались домой в экипаже, Чарли был странно рассеян и почти все время молчал. На лице его при этом бродило мечтательно-расслабленное выражение. Поэтому Беатрис сочла, что будет гораздо лучше оставить его пока в неведении – пусть наслаждается тем, что привело его в такое умиротворенное расположение духа. Если брат узнает, что Ритчи нанес им визит, то очень разозлится, а если ему сообщить об истинной причине этого визита, то он и вовсе придет в бешенство – и не без оснований.

– Нет, Полли, дай мистеру Чарльзу поспать. И не говори ничего о наших посетителях, предоставь это сделать мне.

Кивок Полли красноречивее всяких слов свидетельствовал о том, что она думает по поводу отношений между ее работодателями, и Беатрис кивнула в ответ, слегка пожав плечами.

Но стоило горничной сделать шаг по направлению к двери, как Беатрис окликнула ее:

– Этот мужчина... ну, «тот, что главный» – его светлые волосы выются ли немного? – Руки ее дрожали, когда она внимательно рассматривала собственное имя, выведенное на конверте из дорогой плотной бумаги твердым размашистым почерком.

– Ну да, мисс Беатрис, а откуда вы узнали? Это в точности он и есть.

Беатрис поддела кончиком ногтя печать на обратной стороне конверта.

– А не удалось ли тебе, случайно, перехватить его взгляд? У него ведь глаза синего цвета, не так ли?

На губах Полли появилась лукавая улыбка, еще более любопытная, чем прежде.

– Именно так. Темные как ночь, почти черные. Я бы сказала, цвета индийских чернил.

Беатрис поспешно разорвала конверт и выхватила вложенный в него один-единственный лист бумаги, от которого исходил едва различимый, но очень знакомый аромат одеколона. Она задрожала всем телом, будто бы обладатель этого запаха стоял сейчас прямо у нее за плечом.

* * *

Предложение было совершенно нелепым.

«Вы покупаете мое тело сроком на один месяц, мистер Ритчи, – гневно подумала Беатрис, – а не мою душу на веки вечные!»

И дело было вовсе не в щедрости Ритчи, которая, напротив, вводила в искушение. Хотя Беатрис не являлась алчной стяжательницей, она не могла не признаться, что ей очень нравится вести комфортный образ жизни: покупать книги и журналы, понравившиеся платья и обувь. Ей доставляло удовольствие жить в хорошо обставленном доме и наслаждаться сытной едой, посещать светские мероприятия, на которых можно было предстать в новом наряде, или принимать гостей у себя. Да, все это очень ей нравилось, хотя она и не гналась за ослепляющей, почти недопустимой роскошью высшего общества. Она жаждала вести спокойный образ жизни, не отягощенный долгами и мыслями о судебных приставах и кредиторах.

Но чтобы столько тысяч? И это помимо того, что все их финансовые неурядицы будут улажены и они с Чарли станут до конца дней своих получать ежегодное денежное содержание? Немыслимо! Чтобы отплатить за подобную щедрость, женщина должна быть одновременно наделена качествами Клеопатры, Далилы, мадам де Помпадур и знаменитой миссис Лангтри, а у Беатрис не было времени даже на то, чтобы изучить хоть малую толику их приемов соблазнения. Для этого ей потребовался бы доступ ко всем продающимся незаконно на Холиуэл-стрит книгам, и не только к ним, чтобы соответствовать экстравагантным вкусам Ритчи.

«Интересно, не согласится ли София преподавать мне пару уроков?» – подумала Беатрис.

Она испытала бы огромное смущение, задавая своей старшей подруге вопросы столь интимного характера и, более того, вынужденная раскрыть, для чего ей это нужно, но, понаблюдав вчера за мастерским выступлением Софии в оранжерее, Беатрис утвердилась в мысли, что та действительно искушена в искусстве любви.

Помимо этого, у Беатрис имелась Полли, осведомленная, кажется, в любых вопросах.

Но, даже располагая столь глубокими кладезями мудрости, Беатрис понимала, что ей будет невероятно трудно отработать деньги, предложенные Ритчи. Особенно принимая во внимание тот факт, что она до сих пор оставалась девственницей, невзирая на то что произошло у нее с Юстасом и с Ритчи прошлой ночью, когда он столь мастерски раскрыл ей некоторые секреты ее анатомии.

Нет, ей следует настоять на уменьшении суммы. Хотя Эдмунд Эллсворт Ритчи и был распутным и привыкшим манипулировать другими людьми негодяем, она не хотела его обманывать. Беатрис решила, что согласится взять ровно столько денег, чтобы хватило на погашение нынешних долгов, имеющихся у них с Чарли, плюс скромную сумму, на которую они станут жить, пока ее брат не найдет себе работу, жалованье за выполнение которой не оскорбляло бы его джентльменских чувств, но и не позволило бы ему в будущем снова погрязнуть в пучине финансового хаоса. Ну и, помимо этого, еще немного, чтобы хватило на обучение машинописи и основам секретарского дела – это уже для ее персонального личностного развития.

«Хорошо. Вот разумное решение, – обрадовалась Беатрис. – Оказывается, я умею сохранять хладнокровие перед лицом кризиса».

Беатрис прищурилась. У нее не оставалось никаких сомнений по поводу того, кем является один из ее посетителей – тот, что высокого роста. Но зачем, ради всего святого, ему понадобились подобные ухищрения? Уж не пытался ли он таким образом выведать подробности о ней у слуг? И отыскать еще какой-нибудь скелет у нее в шкафу, с помощью которого он сумел бы оказывать на нее дополнительное воздействие? Это казалось вполне в его духе.

Но если у Беатрис и имелся скелет в шкафу, Полли ни за что не позволила бы кому бы то ни было его увидеть. И кухарка с Энид так тоже не поступили бы, по крайней мере

сознательно. В отличие от некоторых дам своего круга Беатрис всегда обращалась со слугами так, как хотела бы, чтобы обращались с ней, будь они на ее месте. Она даже по мере сил своих помогала им с домашними делами, теперь, когда хозяйство стало гораздо меньше, надеясь, что своими действиями немного смягчит высокопарное обращение со слугами Чарли.

«Что ж, мистер Ритчи, если вы надеетесь отыскать под камином какие-нибудь обрывки скандальных историй с моим участием, то вас ожидает разочарование, – подумала она. – Я не делала ничего постыднее того, чем мы с вами занимались прошлым вечером! И моя скандальная история уже давным-давно стала достоянием общественности».

– После этого проводи джентльмена, которого ты называешь главным, в утреннюю гостиную, хорошо, Полли? Скажи ему, что я скоро спущусь.

Подкрепившись чаем, Беатрис стала готовиться к грядущему противостоянию. Она временно и нервничала, и пребывала в сладострастном восхитительном предвкушении. Скоро у нее будет любовник, такой же искусный, сколь и красивый.

– В утреннюю гостиную, а не в приемную?

– Утренняя гостиная вполне сгодится. В приемной нужно перестилать полы, и вообще, она предназначена только для знатных людей.

Это поставит его на место. Если только ее посетитель и *в самом деле* сам Ритчи.

– А потом мне вернуться, чтобы помочь вам одеться, мисс?

Беатрис внутренне застонала, стоило ей лишь представить, что придется облачаться в корсет, многие слои нижних юбок, потом приводить в порядок волосы... это же займет очень много времени!

«К черту все это! И самого Ритчи туда же! – решительно подумала она. – Будет гораздо быстрее, если я предстану перед ним в домашнем наряде. После того, что было вчера, соблюдать приличия уже не имеет смысла».

Его синие глаза, похоже, преследовали ее, а между ног до сих пор ощущалось его прикосновение. В животе ее свивалась в кольца сладкая боль.

– Нет, Полли, это лишнее. Я приму его в домашней одежде. А ты присматривай лучше за его приятелем. Кухарка и Энид уже ушли на рынок?

Полли кивнула, широко раскрыв глаза от удивления, и Беатрис внутренне рассмеялась. Обычно ее горничная была сама невозмутимость, и шокировать ее было крайне трудно.

– Но, мисс, негоже принимать джентльмена в ночной рубашке. Что скажут люди?

– Люди? Вот еще! Они и без того считают меня шлюхой и падшей женщиной, так не все ли мне равно? Кроме того, наша встреча займет не более нескольких минут. У него не будет времени на то, чтобы возмутиться моим нарядом. – Она отбросила назад свои выющиеся рыжеватые волосы, гадая, что подумает о них мистер Эдмунд Элсворт Ритчи. В благовоспитанном обществе подобный цвет волос считался признаком проявления необузданной натуры, дикой и своенравной, но сама Беатрис полагала, что волосы – это самая привлекательная ее черта. – А теперь отправляйся выполнять поручение, Полли!

Горничная уходить не спешила. Вместо этого она многозначительно покашляла.

– Ну что еще? – Беатрис снова подавила улыбку.

– Разве вам не понадобится компаньонка, мисс? Я хочу сказать, что вы же незамужняя леди, которая намерена принять джентльмена в одиночестве... да еще и без корсета. – В глазах Полли появился заговорщический огонек. – Люди могут счесть, что у вас все происходит слишком быстро.

– Что ж, как я уже говорила, благодаря мистеру Юстасу Ллойд, этому развратному похотливому типу, у меня и *в самом деле* все происходит довольно быстро, Полли.

Можно сказать, дерби выиграла. – Беатрис пожала плечами. Ее испорченную репутацию следовало бы расценивать как величайшую катастрофу, но она испытывала лишь восхититель-

ное чувство свободы. – Так почему бы не воспользоваться преимуществами, которые предоставляет мне мой статус, а? Давай, иди уже.

– Да, мисс! – Прижимая руку ко рту, чтобы скрыть усмешку, горничная поспешила прочь из комнаты.

Беатрис задумалась над своим домашним нарядом. Старый шерстяной халат коричневого цвета для приема Ритчи определенно не годился, поэтому она решила, что пришло время достать синий, из последних покупок, совершенных ею до того, как их с братом финансовое состояние пошло крахом.

Если уж мужчина готов заплатить двадцать тысяч гиней за право пользоваться телом девушки в течение месяца, самое меньшее, что она может сделать в ответ, – это надеть для него свой самый красивый пеньюар.

Сидя на обтянутом дамасской тканью стуле с подлокотниками, Ритчи тем не менее никак не мог расслабиться. Стул этот был достаточно удобным и не похожим на своих обычно вычурных собратьев, которые в изобилии имеются в утренних гостиных дам, но бесконечное ожидание сводило его с ума.

«Что со мной такое творится? – недоумевал он. – Почему я веду себя точно охваченный страстью юнец, чьи мозги отказались работать, стоило ему впервые вдохнуть запах настоящей, из плоти и крови, женщины?»

Что такого было в Беатрис Уэверли, заставляющее его вести себя подобным образом? Несмотря на распутные фотографии, для которых она позировала, внутреннее чутье подсказывало ему, что эта девушка вовсе не относится к числу пресыщенных развратниц. Женщины, с которыми Ритчи обычно водил знакомство, были по большей части светскими красавицами с уродливыми мужьями; эти дамы охотно соглашались разделить с ним ложе – разумеется, тайно, – в надежде получить наслаждение и развеяться от скуки, повторяющейся в высшем обществе из сезона в сезон.

Но Беатрис Уэверли не была ни пресыщенной, ни скучающей, ни замужней, ни даже особенно замысловатой. Возможно, именно из-за этого его и влекло к ней с такой чудовищной силой. Она была наделена неким не поддающимся осмыслению качеством, которое проникало к нему в душу и поработало мужской орган, но ему, хоть убей, никак не удавалось понять, что же это такое.

Что же касается простого наряда, который он выбрал для сегодняшней встречи вместо роскошного костюма джентльмена, то это, как полагал Ритчи, было сделано для того, чтобы показать ей, что сам он относит себя не к сливкам общества, но к разряду людей, которые добились успеха собственным трудом, как его отец.

Кроме того, в таком виде ему будет проще обвести вокруг пальца мягкотелого братца Беатрис. Ритчи не имел ничего против этого человека, но его сестра стоила двадцати таких, как он.

«Ах, какой же ты ловкач, приятель Ритчи, – мысленно сказал он себе, – особенно если балом правит твой фаллос».

Не находя себе места от беспокойства, он вскочил. Комната, в которую его проводила сообразительная на вид горничная, показалась ему довольно милой, хотя и немного блеклой и старомодной, чему виной, несомненно, была стесненность в средствах хозяев дома. Они просто не могли себе позволить обставить комнаты изысканной мебелью и завести большой штат слуг. Расхаживая взад и вперед, Ритчи догадался, что это место является домашним оплотом Беатрис и что она проводит здесь большую часть времени. Он принялся рассматривать книжные полки, отмечая, что они покрыты меньшим слоем пыли, чем вся прочая мебель. Эклектичная подборка книг удивила и очень порадовала Ритчи. Здесь были труды по истории, произведения классической литературы, трактаты мистера Дарвина и других ученых – и все это

бок о бок с сентиментальными романами, написанными как возвышенным, так и приземленным стилем. Что самое примечательное, на полках имелись и литературные журналы, довольно потрепанные на вид. У Ритчи сложилось впечатление, что Беатрис интересуется целым рядом тем, начиная от искусства и заканчивая наукой. В ней чувствовался острый, пытливый ум.

Каминная полка была сплошь уставлена фотографиями.

Испытывая чувство вины, Ритчи стал всматриваться в снимки в поисках спокойной и милой девушки, которой Беатрис некогда являлась – до того, как согласилась позировать для порнографических картинок. Он почти неохотно переводил взгляд с одной рамки на другую. Сердце его при этом неистово колотилось в груди.

Даже в самых скованных, формальных позах Беатрис источала ту же искрящуюся чувственность, что позднее проявится в ее эротических снимках. Сидя на диване рядом с братом и пожилой четой – вероятно, их ныне покойными родителями, – Беатрис наполняла композицию жизнью и светом. Ритчи казалось, что, даже когда лицо ее совершенно бесстрастно, оно все равно каким-то непостижимым образом улыбается.

Он переходил от одной фотографии к другой, с жадностью поглощая каждое ее изображение. Вот Беатрис в деревенском садике, облаченная в белое платье и с распущенными волосами – само воплощение невинности. А вот она, отважная девушка, предстает в причудливом платье, похожем на мужские бриджи, выставляющем на всеобщее обозрение ее узкие бедра.

А вот... о, на этом снимке, который, похоже, был сделан во время помолвки, Беатрис запечатлена с другим мужчиной. Этот счастливчик не скрывает своей радости, широко улыбаясь, а сама Беатрис предстает просто поэмой, воспевающей красоту.

Сжав зубы, Ритчи со стуком поставил фотографию на место. Ему вдруг стало трудно дышать. Откуда взялся этот необъяснимый гнев? Отчего он испытывает ревность к этому потерянному жениху? Конечно же в жизни Беатрис были другие мужчины, но они не вызывали у Ритчи ни интереса, ни антипатии, даже Юстас Ллойд, являвшийся, по его источникам, самым последним ее поклонником. Ритчи был поверхностно знаком с этим человеком, но ему не было до него никакого дела.

Беатрис раз или два была замечена в свете с Ллойдом до появления скандально известных фотографий, но никогда после. Их видели вместе на какой-то выставке и один раз в театре. С тех пор он не проявлял к ней никакого интереса, и среди его личных вещей не было ее фотографии, из чего можно было заключить, что, какие бы чувства он ни испытывал к Беатрис, они прошли.

Нахмурившись, Ритчи принялся барабанить пальцами по каминной полке, напряженно размышляя.

Чутье подсказывало ему, что Беатрис не состояла с Ллойдом в интимных отношениях. Этот мужчина был привлекательным, но имелась в нем некая отталкивающая черта... к тому же его подозревали в краже в доме Плендерли во время торжества в прошлом году, на котором присутствовал и сам Ритчи. Хотя он едва знал Беатрис Уэверли, но мог с уверенностью сказать, что у нее отменный вкус на мужчин, с которыми она имеет дело.

Как бы то ни было... кто же сделал ее фотографии в обнаженном виде? Ритчи не спрашивал об этом Беатрис, и сама она также ничего ему не сказала. Мог ли то быть Ллойд? Этот молодчик выказывал необычайно острый интерес к фотокамерам на вечеринке у Плендерли.

Ритчи следовало бы уделить первостепенное внимание этому вопросу, ведь в его распоряжении имеется огромное количество агентов и ресурсов, и выяснение подробностей не заняло бы много времени. Должна быть веская причина, по которой такая благородная и одухотворенная женщина, как Беатрис Уэверли, согласилась обнажить свое восхитительно прекрасное тело перед ничтожеством вроде Юстаса Ллойда.

Оставив на время эту мысль, Ритчи подошел к небольшому фортепиано в надежде отвлечься от своих подозрений. Ему показалось странным, что инструмент стоит здесь, а не

в одной из более официальных комнат дома. На пюпитре он заметил сборник произведений Шопена, под который была заткнута книжечка собраний господ Гильберта и Салливана⁵, включающая и сентиментальную песню «Утраченные аккорды». Означает ли это, что Беатрис играет на фортепиано? Большинство хорошо воспитанных молодых леди ее класса музицируют, так как это традиционно считается одним из важных качеств, способствующих успешному замужеству. Ритчи представил, как ее тонкие деликатные пальчики порхают по клавишам в неистовом ритме, а потом вообразил те же самые ловкие пальцы на своем члене.

Скоро именно так и будет.

Он не сомневался, что Беатрис примет его предложение. И вовсе не потому, что полагал себя таким уж неотразимым, а потому, что в ней угадывался прагматизм, и страсть, и жаркая искра чего-то еще менее различного, но не менее интенсивного. Со своей стороны Ритчи испытал *coup de foudre*⁶, поразивший, однако, не сердце, а гораздо более южный регион его тела.

Чувствуя мучительное томление в своем половом органе, Ритчи машинально потер большим пальцем указательный. Прошлой ночью Беатрис была такой влажной и шелковистой на ощупь. И так восхитительно реагировала на его прикосновения, не изображая угрюмую, напряженную и сопротивляющуюся мисс. Он же не испытал горького разочарования, околдованный обещанием ее красоты.

Тут в голове его появилось привычное уже облако, грозившее полностью затмить сознание, но он поспешно отогнал его прочь. Он не станет думать об *этом* сейчас – и о *Маргарите* тоже, – когда Беатрис Уэверли может войти в комнату в любую минуту. Она является единственной женщиной из всех его недавних знакомых, действительно способной заставить его забыть.

Словно в ответ на его молитвы раздался стук дверной ручки, свидетельствующий об открытии двери, и Ритчи поспешно повернулся на звук.

– Доброе утро, мистер Ритчи. Вот уж не ожидала так скоро вас снова увидеть.

Она была точно видение, такой, какой он помнил ее с прошлой ночи.

– Доброе утро, мисс Уэверли. – Поспешно лавируя между мебелью, он подошел к ней и схватил ее за руку. Ощущение ее гладкой прохладной кожи тут же рассеяло темноту в его душе. – Почему это вы не ждали меня? Разве я не говорил, что утром вы получите мое предложение? – Он пожирал ее глазами, точно жадный мальчишка-школьник, оказавшийся в кондитерском магазине, не в силах скрыть своего внезапного пронзительного желания.

Беатрис Уэверли оказывала на него мгновенное ошеломляющее воздействие с той же легкостью, с какой заставляла затвердеть его член.

Прижавшись губами к кончикам ее пальцев, Ритчи внимательно изучал ее лицо. Роскошные волосы девушки были распущены и свободной волной ниспадали на плечи, за исключением нескольких прядей, перехваченных на затылке белой лентой, что делало ее удивительно похожей на прекрасную даму или зачарованную королеву с полотен Данте Габриэля Росетти. Ее волшебные кудри трепетали и колыхались, точно языки огня, воспламеняющие его кровь.

– Джентльмены... а также и те, кто не отличается благородством... говорят о многих вещах, мистер Ритчи. Но, к сожалению или к счастью, они далеко не всегда намерены исполнять то, что обещали.

При иных обстоятельствах Ритчи непременно нахмурился бы, заслышав такие слова, и потребовал бы назвать имя того, кто обманул ее – будь то Ллойд или кто-то иной, – чтобы вытрясти из него всю душу, но сейчас сознание его было слишком занято поглощением каждой

⁵ Драматург сэр Гильберт Уильям Швенк (1836—1911) и композитор сэр Салливан Артур Сеймур (1842—1900) – английские авторы, создавшие во второй половине XIX века четырнадцать комических опер.

⁶ Удар молнии (*фр.*).

мельчайшей детали ее божественной красоты, от макушки до кончиков пальцев, чтобы обращать внимание на что-то еще.

Выказывая небывалую смелость, Беатрис была одета в пеньюар, а не в дневное платье и не затянута в корсет. Складки ткани роскошного темно-синего оттенка плотно облегали изгибы ее тела, намекая на ее восхитительные формы, скрытые от его глаз, и заставляя воображение работать напряженнее.

Надето ли на Беатрис нижнее белье? Или ночная сорочка? Или, возможно, комбинация? Или только чулки с кружевом и цветочным узором, вышитым вдоль шва?

А может, ее бархатистое теплое тело совершенно обнажено и готово принять его?

– Мистер Ритчи, отпустите мою руку, пожалуйста.

Ритчи удивленно выпрямился и, разжав пальцы, рассмеялся. Эта женщина настолько его околдовала, что он погрузился в пронизанный похотью ступор созерцания, и это всего лишь оттого, что он поцеловал кончики ее пальцев!

– Разумеется, мисс Уэверли... или можно называть вас Беатрис, раз скоро мы станем близки? Как я вижу, мы избавлены от присутствия компаньонки, этого традиционного атрибута незамужней леди.

Беатрис отступила на шаг назад, одной рукой зажав кончики пальцев другой руки в том самом месте, где он целовал их. В голове его пронеслось видение женских рук, нервно и взволнованно пытающихся стереть следы его прикосновения, но Беатрис этого не сделала. Наоборот, она будто бы пыталась впечатать его поцелуй в кожу.

– После вчерашней ночи присутствие компаньонки, когда я нахожусь в вашем обществе, видится мне совершенно излишним, мистер Ритчи. – Глаза ее сверкали, но от страсти ли или от гнева, Ритчи не сумел определить. Возможно, и от того и от другого. – Но это вовсе не означает нашу безоговорочную близость. Я еще не ответила на ваше предложение согласи́ем.

Беатрис была женщиной среднего роста, но, глядя на Ритчи, она будто возвышалась над ним, изучающе всматривалась в него, будто он был всего лишь ничтожным просителем, извивающимся на ковре у ее обутых в туфельки ног. Новый прилив желания заклокотал в животе Ритчи с такой силой, что ему захотелось скрючиться от боли.

– Но мои друзья называют меня Беа, поэтому, полагаю, вы тоже можете так поступать.

Это неожиданное признание потрясло его еще больше, чем испытываемая им страсть.

– Беа, – промурлыкал он. – Мне нравится. Означает ли это, что *между нами* возможна дружба?

– Пока трудно сказать, мистер Ритчи. Или мне лучше называть вас Эдмундом?

– Вообще-то друзья называют меня просто Ритчи... – Он замолчал, наблюдая за резкими морщинками настороженности, появившимися на лице Беатрис, которые, однако, оказывали на него возбуждающее действие. – Думаю, вы тоже можете меня так звать.

Она рассмеялась свободно и заразительно, и напряжение между ними лопнуло, точно резинка, хотя и не рассеялось окончательно. Нет, в воздухе до сих пор ощущался накал, но все же атмосфера в комнате стала гораздо более приятной.

– Туше, мистер... туше, Ритчи. Что ж, думаю, нам стоит присесть и обсудить ваше нелепое предложение. – Изящным жестом она указала на обтянутые дамаской тканью стулья, на одном из которых Ритчи уже сидел, и, чтобы уберечься от утреннего холода, пододвинула их ближе к камину, в котором весело потрескивали поленья. – Итак, пришло время вам объяснить, почему вы прибыли ко мне столь странным образом. Проникли в дом через черный ход, одеты скорее как букмекер или продавец пирогов, но уж точно не как деловой господин.

– Я хотел продемонстрировать вам и другую сторону моей натуры. – Ритчи поправил лацканы своего ничем не примечательного костюма в мелкую клетку. – Хотел, чтобы вы увидели во мне прямого и простого человека, а не изысканный фасад, тщательно поддерживаемый с помощью одежды элегантного покроя и салонных манер.

Беатрис смерила Ритчи пронизательным взглядом, будто и в самом деле могла видеть его насквозь и ее не вводили в заблуждение никакие его уловки.

– Странное то, должно быть, общество, раз поощряет такие манеры, как у вас, Ритчи. – Он пожал плечами, и она сделала то же самое. – А я все еще считаю ваше предложение абсурдным.

– Но почему?

В голосе Ритчи послышалось разочарование, хотя он и старался не показывать его. Он понимал ее колебания, но мысль о том, что так и не получит эту женщину, поразила его, точно удар в затылок.

– Полагаю, что это очень щедрое предложение, Беа, но, если вы считаете предложенную мной сумму недостаточной, я осмелюсь предложить увеличить ее еще немного.

Он наблюдал за тем, как она опустила руку в карман своего пеньюара и извлекла его письмо и еще один конверт, предположительно ее ответ. То был совершенно простой и безыскусный повседневный жест, лишенный претенциозности, но при виде его Ритчи почувствовал, как член его напрягся. Его воображение с готовностью нарисовало, как эта самая рука, бледная и прекрасная, скользит по всему его телу, проникая в расстегнутую ширинку, ища его плоть.

Что он почувствует, когда ее пальцы сомкнутся на его члене? Будут ли они прохладными и успокаивающими? Или, наоборот, жаркими и дразняще-воспламеняющими?

«Боже, мне все равно! – мысленно вскричал Ритчи. – Я просто хочу, чтобы она наконец коснулась меня!»

– Я нахожу ваше предложение абсурдным потому лишь, что оно *слишком* щедрое. Двадцать тысяч гиней – это несоразмерно большая сумма. Не говоря уже о покрытии долгов и последующих ежегодных выплатах. – Беатрис отвела взгляд, и на ее круглой, точно яблочко, щеке появился мягкий румянец. – Я не строю иллюзий касательно моей цены, Ритчи. Я считаю себя дамой благородной и довольно привлекательной. Но я всего лишь женщина, подобная любой другой женщине, если уж речь зашла об этом, у меня точно такое же, как и у всех, лицо, руки, ноги и... прочие части тела... – Румянец на ее щеках стал более заметным. – И месяц моего времени стоит гораздо меньше двадцати тысяч.

Она что же – играет с ним? Торгуется, точно опытная куртизанка, то делая шаг вперед, то снова отступая? Ритчи так не считал. Несмотря на ее скандальную известность и живой ответ на его ласки прошлой ночью, у него сложилось впечатление, что Сирена с Саут-Малберри-стрит очень неопытна. Так в чем же коренится его увлеченности ею? Уж не стремление ли это просветить жадную до знаний ученицу, открыв для нее новый мир экзотических сексуальных игр?

А Беатрис явно горела желанием приобщиться к этому миру, она не притворялась, подобно многим, до тех пор, пока не становилось уже слишком поздно идти на попятный.

Плотно сжав губы, Ритчи снова стал старательно отгонять темные мысли, ища лучик света.

Вот перед ним Беатрис Уэверли с волосами цвета пламени, пронизательными зелеными глазами и мягкими, не стесненными корсетом формами. Она – облаченное в домашний халат живое воплощение искушения, которому невозможно противиться.

– Позвольте мне самому судить о вашей стоимости, Беа. Обычно я очень пронизателен в подобных вопросах, и деньги, уплаченные мной, окупаются.

Глаза ее расширились, превратившись в яркие озера насыщенного зеленого цвета, бурлящие от гнева. Ритчи едва сдерживался, чтобы не наброситься на нее здесь и сейчас, в этой уютной маленькой утренней гостиной, начав свое чувственное исследование. Вместо этого он протянул руку за письмом:

– Что ж, позвольте взглянуть на ваше встречное предложение!

Глава 6

Встречное предложение

Рука Беатрис дрожала, когда она передавала Ритчи его и свое письма. Возможно, ее потные ладони размазали чернила? В присутствии Ритчи она была не в состоянии сохранять спокойствие и хладнокровие. От него исходила сильная аура мужественности, сияющая столь же ярко, как новомодное освещение, проведенное в особняке Саувернов. Эта аура опаляла жаром любую женщину, имевшую неосторожность подойти слишком близко. Пока Ритчи изучал ее наспех нацарапанный ответ, Беатрис едва сдерживалась, чтобы не обхватить себя руками за талию, так как опасалась, что в любую секунду может рассыпаться на кусочки.

Либо это, либо она набросится на этого красивого, но отталкивающего мужчину, предложившего купить ее тело.

Нынешним утром Ритчи предстал перед ней совсем в ином виде, но это не меняло его сути. На нем был повседневный рабочий костюм, сшитый из мягкой ткани в клетку, сильно отличающийся от искусно скроенного фрака, который был на нем вчера. Выющиеся небритые бакенбарды придавали ему почти бандитский вид: пиратский, необузданный, сильный. На Ритчи была полосатая рубашка без воротника, верхние пуговицы которой были расстегнуты, являя на всеобщее обозрение не только треугольничек кожи на шее и груди, но и – Боже всемогущий! – несколько завитков волос песочного цвета. С тем же успехом он мог бы быть цыганским бродягой, случайно оказавшимся в ее утренней гостиной, и, уж конечно, ничуть не был похож на богача, способного буднично потратить двадцать тысяч на свою любовницу.

«Нет, – подумал Беатрис, – скорее это вы, мистер Ритчи, напоминаете щеголя, за месяц сексуальных услуг которого сгорающие от страсти женщины из высшего общества сами с готовностью выложат двадцать тысяч гиней!»

Беатрис изо всех сил старалась успокоиться. Ей следует сохранять контроль, вне зависимости от того, насколько интимными станут отношения между ними. Ее ожидали несколько недель удовольствий, которые, возможно, будут продолжаться не один час. Тем не менее ради собственного блага ей следует сохранять трезвость рассудка и немедленно пресекать любые нежные чувства, которые могут возникнуть у нее к Ритчи. Ей страшно было вспоминать о том, что произошло в прошлый раз, когда она позволила себе влюбиться в мужчину. Но Юстас Ллойд каким-то непостижимым образом отошел на второй план, как одна из сделанных им фотографий, и его полностью затмил другой мужчина, тот, который сидел сейчас напротив нее и спокойно читал ее ответ.

– Но это же глупости, Беа. Я не могу на это согласиться.

В его дрожащем от нетерпения голосе слышались стальные нотки. Беатрис резко подняла голову. Когда глаза их встретились, у нее упало сердце, настолько неумолимым оказался его взгляд.

Когда Эдмунд Элсворт Ритчи назначает цену, она окончательна. Даже если человек, с которым он вступает в деловые отношения, настаивает на *меньшей* сумме!

Ну как можно вообще противиться такому заманчивому предложению?

– Но две тысячи – это более чем достаточно, не правда ли? Этого хватит, чтобы погасить мои долги и долги моего брата... как мне кажется... и еще немного останется, чтобы я купила себе печатную машинку и заплатила за курсы в Женской академии секретарей на Монкриф-стрит. На днях я видела объявление в «Моден вуман», и там были предоставлены отличные рекомендации.

– Я предлагаю двадцать тысяч, погашение долгов и ежегодное содержание, или сделка не состоится, – прорычал Ритчи и, к ужасу Беатрис, порвал ее наспех составленный ответ на крошечные кусочки и бросил их, точно хлопья снега, в маленькое фарфоровое блюдо, стоящее на боковом столике малайского красного дерева. – Помимо этого я добавляю дюжину печатных машинок вместе с курсами вашей замечательной академии, по окончании которых вы сможете открыть собственное секретарское агентство, если пожелаете. – Он разгладил свое собственное письмо и стал осматривать комнату, пока взгляд его не упал на стоящий в углу секретер, обтянутый кожей. Быстро подойдя к нему, он вынул из внутреннего кармана самопишущее перо, снял с него колпачок и протянул Беатрис.

Беатрис сжала зубы, чувствуя, как напряглась каждая пронизанная духом свободомыслия клеточка ее тела. Ритчи пытается подчинить себе всю ее жизнь, а также и жизнь ее брата с помощью своего баснословного и, похоже, безграничного богатства. Но то было тюремное заключение, не менее тягостное, чем их с Чарли долги.

Беатрис смотрела на Ритчи, отчаянно желая, чтобы их знакомство случилось в другой жизни и при других обстоятельствах. Этот мужчина был по-своему красив и, как она уже имела возможность убедиться, мог творить чудеса с ее телом. Если бы в их отношениях не были замешаны деньги, долги и сделка купли-продажи, кто знает, куда бы они могли их завести.

Но, черт побери, все вышеперечисленное имело место быть! Жизнь представлялась ей слишком запутанным узлом, который не так-то просто было распутать, разве что в мечтах о праздных леди, не стесненных в средствах.

– Это очень большая сумма, мистер Ритчи. – Беатрис прибегла к более официальному обращению в качестве оборонительного щита. – Слишком большая. Боюсь, что, если вы ее не сократите, нам с Чарльзом придется прибегнуть к иным способам выйти из сложившейся ситуации.

– Это мое окончательное предложение, Беа, и я призываю вас принять его. – Его глаза цвета ночного неба сузились. Он не то чтобы нахмурился, но поджал свои идеально очерченные губы. – Вам следует учесть еще и то, что, хотя я и выкупил большую часть долгов вашего глупого братца, он занял денег у некоторых людей, которых вы сочли бы еще более низкими, чем, как вы полагаете, являюсь я сам. – Он помахал перед ней пером. – А еще я видел пару сомнительного вида людей, шныряющих по соседству как раз в то время, когда мы с приятелем прибыли. Я бы сказал, что это самые форменные головорезы, которых обычно нанимают жестокие кредиторы.

Беатрис почувствовала, как внутренности ей сжала холодная рука. Ритчи перекупил какую-то часть их долгов? Это насколько же решительно он вознамерился заполучить ее? Она едва могла думать об ином возможном исходе событий, потому что он бесконечно пугал ее. За последние несколько дней на ее пороге уже разворачивались несколько неприятных сцен, и для Чарли или других обитателей дома становилось все труднее и труднее отделяться от непрошенных гостей. В доме обитали преимущественно женщины, за исключением Чарли да еще Фреда, дворового мальчишки, который служил как у Уэверли, так и у их соседей. Чарли не умел махать кулаками и предпочитал большую часть времени скрываться в своем клубе. У них не было здорового, внушительных габаритов мужчины, способного улаживать различные неприятные ситуации.

Итак, она оказалась в ловушке. Ей не оставили выбора. Придется подписать бумаги и надеяться, что, когда дело дойдет до исполнения ее части соглашения, ей достанет эротического мастерства, чтобы не разочаровать Эдмунда Эллсворта Ритчи.

– Что ж, хорошо, я подпишу. – Беатрис шагнула к секретеру,хватила из руки Ритчи перо и нацарапала свою подпись, не раздумывая больше ни секунды, ведь в противном случае с кончика пера закапали бы чернила. Чарли приобрел некоторое время назад такое самопишущее перо, но обращаться с ним так и не научился. – Хотя сильно сомневаюсь, чтобы даже

самая опытная куртизанка полусвета сумела бы обслужить вас на уровне, соответствующем уплаченным вами деньгам. Ни одна женщина на свете не может быть настолько экзотичной!

Едва эти слова слетели с губ Беатрис, как Ритчи выхватил у нее из рук перо, закрыл его колпачком и спрятал обратно в карман. Затем он снова завладел ее пальцами и прикоснулся губами сначала к костяшкам, потом, перевернув руку, прижался к центру ладони, будто желая оставить на ней жаркое клеймо своих губ. Пробуя языком ее кожу на вкус, Ритчи прошептал:

– Я вовсе не обслуживания от тебя жду, моя прекрасная Беа. Разве ты еще не догадалась?

Беатрис лишилась дара речи. Голова у нее кружилась, точно карусель, в сознании мелькали разрозненные картины, а тело купалось в океане чувственности. Да, она позировала для Юстаса обнаженной, но была почти совершенно уверена, что он не обесчестил ее, хотя у него и была такая возможность. Однако он был гораздо больше заинтересован в проявлении своих драгоценных пластин, чем в том, чтобы поразвлечься со своей одурманенной опиумом моделью.

Так она и осталась девственницей, хотя и не совсем наивной. Подобно большинству женщин, Беатрис жадно ловила намеки и перешептывания других людей. Для Полли не было лучшего развлечения, кроме как начать распространяться о скандалах и сексуальных извращениях, Чарли иногда забывал на виду недозволенные книги, и даже Женский швейный кружок оказался обществом, могущим просветить неискушенную девушку. Беатрис понимала, что в постели люди играют в игры, доставляют друг другу удовольствие различными способами, а прогрессивные мужчины и женщины наслаждаются особо изощренными позициями, предназначенными вовсе не для продолжения рода.

Именно этих изощренных игр и хотел от нее Ритчи. Именно за это он заплатил двадцать тысяч гиней.

– Совсем наоборот, мистер Ритчи, я давно обо всем догадалась. – Она несмело протянула руку и дотронулась до его густых светлых волос. На ощупь они напоминали шелк и, не зная ни макассового масла, ни иных выпрямляющих лосьонов, вились тугими кольцами.

– Просто Ритчи, – напомнил он, выпрямляясь и обнажая белоснежные зубы в почти волчьем оскале. Его темные глаза при этом сверкали. Он столь сильно отличался от безукоризненного джентльмена, каким предстал перед Беатрис накануне, что мог бы с успехом сойти за совершенно иной биологический вид. Возможно, то был развращенный и обладающий ярко выраженным мужским началом ангел, спустившийся на землю исключительно для того, чтобы соблазнять и мучить ее?

– Что ж, хорошо, Ритчи.

Он все еще держал ее руку, будто теперь она принадлежала ему. В действительности теперь, когда она подписала договор, именно так это и было.

«Теперь я шлюха, – подумала она, – падшая женщина. Я никогда не восстановлю свою репутацию, не завоеую уважения и, возможно, никогда не выйду замуж. Я стану старой девой, печатающей для других до конца своих дней, если Чарли потратит все деньги».

То были отрезвляющие мысли.

– О чем это ты размышляешь, Беа? – Ритчи снова прищурился, но теперь выражение его лица было необычайно мягким. – Не раскаиваешься ли уже в содеянном?

– Совсем нет. Просто пытаюсь примириться со своим новым статусом. – Она посмотрела на их соединенные руки. Ладонь Ритчи была крупной, но элегантной формы и очень нежной и умелой, о чем она могла судить по личному опыту. Стоило ей лишь подумать о его пальцах, порхающих у нее между ног, как всем ее существом снова овладело сладкое предвкушение.

– И что же это за статус? – Ритчи снова поднес ее руку к губам и запечатлел на кончиках пальцев поцелуй, на этот раз более формальный и аристократичный, а потом отпустил ее ладонь.

Беатрис расправила плечи, изо всех сил стараясь не обращать внимания на мягкое, томящее и невероятно влажное ощущение, которое оказал на нее столь простой жест Ритчи. Мыс-

ленно она вернулась к их разговору, произошедшему накануне в кабинете леди Сауверн. Казалось, что с тех пор минула вечность.

– Что ж, Ритчи, с этого момента я *становлюсь* той самой безнравственной женщиной, каковой меня уже считает общество. Я шлюха.

Признание этого вслух было бодрящим, освобождающим, сравнимым с огромным удовольствием, которое Беатрис познала от прикосновения руки Ритчи. Ощущения, разумеется, были не одинаковыми, но вот восторг сопоставимый. Она словно отбросила метафизические оковы и вырвалась на свободу, обретя возможность беспрепятственно парить, делать что заблагорассудится, чувствовать и просто наслаждаться жизнью. Возможно, месяц, проведенный ею с Ритчи, станет величайшим приключением в ее жизни, если она сама будет так думать, а вовсе не постыдным положением, в котором она оказалась в силу обстоятельств.

А что ожидает ее потом? Кто же может сказать, как обернется жизнь для женщины, имеющей двадцать тысяч в банке и пожизненное ежегодное содержание? Она совершенно определенно не собиралась позволить Чарли снова оказаться в таком бедственном положении, как сейчас.

Делая свое признание, Беатрис взирала на Ритчи недрогнувшим взглядом. Предоставление ему возможности свободно наблюдать смену ее чувств явилось новой гранью ее понимания, новым аспектом могущества. Медленно появившаяся на его лице улыбка свидетельствовала о том, что и Ритчи это тоже понимает.

– Не шлюха, Беа. Я никогда бы не употребил этого слова, потому что в действительности так не думаю. —

Он почесал пальцем подбородок, и, зачарованная этим простым жестом, Беатрис залюбовалась мужественной линией его скулы. – Нет, наши отношения называются рациональным соглашением между двоими свободомыслящими взрослыми людьми, которые осознали, что хотят доставлять друг другу удовольствие. – Произнося эту вольнодумную тираду, Ритчи сунул руку во внутренний карман пиджака. – Но если тебе так уж важно дать самой себе какое-то название, полагаю, *куртизанка подойдет больше*.

«Куртизанка? – мысленно ужаснулась Беатрис. – Да уж, это намного лучше!»

Даже для такой неискушенной девушки, как Беатрис, это понятие вызывало в сознании образы роскоши, грехопадения, изысканности и готовности окунуться в великолепный источник наслаждения, лишаящий возможности дышать.

Глаза ее широко распахнулись, когда Ритчи вынул руку из кармана, явив ее взору толстую пачку банкнотов. Невзирая на только что принятое решение, вид денег все еще повергал Беатрис в состояние шока.

Волевым усилием она заставила руку не дрожать, когда Ритчи протянул ей часть денег в счет оплаты ее услуг.

Что ж, она станет куртизанкой... и будет получать от этого удовольствие.

Глава 7

На кухне

Крепко сжав зубы, Полли Дженкинс взидала на подвешенную под потолком бельевую веревку.

«Мне следовало бы во что бы то ни стало остаться там, – размышляла она. – Выдумать какой-нибудь предлог. Не нужно было оставлять мисс Беа одну с этим сладкоречивым мерзавцем».

Беспокоясь о своей хозяйке, Полли была очень рассеянна. При иных обстоятельствах она давно начала бы флиртовать с симпатичным темноволосым парнем, сидящим у очага, тем более что они были одни на кухне. Он прихлебывал чай и заедал его фруктовым пирогом, который ему дала кухарка, и в общем-то был вполне во вкусе Полли. Стесняться ей было некого, так как кухарка с Энид ушли на рынок. Мисс Беа настаивала, чтобы никто из обитателей дома не выходил за его пределы в одиночестве. В связи с тем, что поставщики отказались доставлять им продукты, кухарке приходилось лично ходить на рынок и торговаться с хозяевами прилавков, а Энид, девушка крепкого телосложения, помогала принести сумки домой.

При обычных обстоятельствах, получив кухню целиком в свое распоряжение, Полли давно начала бы заигрывать со своим привлекательным гостем, но вместо этого она переживала за мисс Беа и рисковала в любую минуту разmozжить себе голову о потолок, развешивая белье на просушку.

– Вот дурацкая штукавина, – рычала Полли, подпрыгивая в попытке ухватиться руками за качающуюся веревку и получая за труды шлепок по лицу мокрой женской сорочкой.

Им бы следовало отдавать белье в прачечную, но они никак не могли себе этого позволить, поэтому приходилось стирать самим и развешивать сушиться на кухне, всякий раз рискуя обрушить на голову тяжелую веревку с бельем – а вместе с нею и весь потолок.

«Только того и не хватало, – думала горничная, – чтобы какой-то надменный незнакомец надругался над мисс Беа или порешил ее, а вместе с ней и меня, прямо здесь, на холодном кухонном полу. И ведь ни единого ласкового шлепка от его приятеля взамен!»

В старые добрые времена в Вестерлинне ничего подобного никогда не случилось бы, ведь то было уважаемое имение, где все было устроено. Мисс Беа была счастливо помолвлена со своим другом детства, благородным Томми Гастингсом, а за самой Полли ухаживал лакей Сэм. И даже мистер Чарли вел себя куда более благоразумно.

Здесь же, в Лондоне, с каждым новым днем жизнь их все больше превращалась в хаос, а распоряжения хозяев и вовсе приводили горничную в замешательство. Покупки и уборка совершались в абсолютно невообразимое время, а завтрак не подавался до тех пор, пока не проснется мистер Чарли, что обычно происходило во второй половине дня.

Полли старалась убедить себя держаться подальше от утренней гостиной. Она была всего лишь служанкой, которой следовало знать свое место, но все же она не могла не задаваться вопросом: не нужно ли ей было все же настоять на том, чтобы разбудить мистера Чарли, хотя мисс Беа просила ее этого не делать?

Но Чарли вряд ли сумел бы чем-то помочь. Он был милым человеком, если узнать его поближе, но совершенно бесполезным в вопросе защиты чести своей сестры. В действительности именно он косвенно способствовал тому, что она ее лишилась. Если бы только он представил ее достойному и уважаемому мужчине, имеющему к тому же хоть небольшое состояние за душой, а не этому мерзавцу Юстасу Ллойд, все они, возможно, жили бы сейчас припеваючи, не беспокоясь о судебных приставах и еще более опасных типах.

Взяв в руки следующую сорочку, Полли краем глаза покосилась на своего молчаливого наблюдательного напарника.

«И кто ты, черт побери, такой?» – подумала она.

Может быть, судебный пристав? Или головорез кредиторов? Они с приятелем прибыли полчаса назад с письмом для мисс Беа, и теперь второй тип находился наверху, ожидая ответа. Каков нахал, он считает, что мисс Беа бросит все и немедленно станет писать ему ответ! Да еще и настоял на том, чтобы получить этот ответ только из ее собственных рук.

– Если твой приятель не спустится в ближайшее время, я сама пойду и разберусь с ним! Негоже ему беспокоить мисс Беатрис. У нее и без того забот хватает. – Полли волновал этот сидящий у огня парень, который был моложе своего приятеля и, казалось, находился у него в подчинении. Было в этой парочке что-то очень подозрительное, и у Полли создалось ощущение, что личность второго посетителя откуда-то ей известна. Она сожалела, что вообще позволила Энид открыть дверь кухни!

Даже если ей и понравился мистер Спокойствие и Наблюдательность, сидящий сейчас напротив нее.

– На твоём месте я не стал бы этого делать. Мистер Ритчи не терпит вмешательства, когда он ведет дела с леди.

Полли почувствовала, как кровь вскипела у нее в жилах. Да как он, этакий плут, посмел угрожать ей? Ни он сам, ни его приятель явно не отличаются избытком добродетели, и Полли не доверяет ни одному из них.

– Мистер Ритчи, значит? И кто он, дьявол его разбери, такой? Кто, дьявол вас разбери, вы оба? Заявились в столь ранний час без всяких церемоний, подняли мисс Беа с постели, хотя накануне она очень поздно легла спать! – Она воззрилась на парня, встретив его смелый взгляд. Возможно, он и является жилистым, крепким на вид молодчиком, как раз из тех, что ей так нравятся, но она и сама знает парочку трюков. – Моя хозяйка легко могла бы отправить ответ твоему хозяину с Фредом, мальчишкой-посыльным. Но это, конечно, в том случае, если ты соизволишь сообщить нам, кем является твой таинственный хозяин.

Парень встал со стула, на котором обычно сидела у огня кухарка, и подошел к Полли. Не говоря ни слова, он вынул из корзины панталоны мисс Беатрис и, похотливо ухмыляясь, повесил их на бельевую веревку. Когда он потянулся за следующим предметом одежды, Полли схватила его за руку.

– Я задала тебе вопрос, мистер Кто-бы-ты-ни-был. Что тебе понадобилось в этом доме и на кого ты работаешь? – Она с силой вцепилась в его крепкие мускулы, скрытые рукавом шерстяного жакета. Ощущение было приятное, невзирая на исходящую от парня опасность. —

Если будешь молчать, я приведу мистера Чарльза, и тогда посмотрим!

Внезапно темноволосый парень расхохотался, будто бы ему было известно то, что отлично знала и сама Полли. Красавчик Чарли, невзирая на его многочисленные недостатки, имел благие намерения и души не чаял в своей сестре. Но при всем этом ему было непросто совладать даже с рисовым пудингом, не говоря уже о том, чтобы надавать тумаков парочке бандитов.

Теплая рука парня без усилий убрала ее руку с рукава.

– Что ж, я работаю на мистера Ритчи, того самого джентльмена, что сейчас находится наверху. А *он* подчиняется только самому себе. – Парень не спешил отпускать ее ладонь, и в жесте его не было ни грубости, ни намека на заигрывание. Полли все еще была очень зла на него, но в то же время испытывала небывалое волнение, заставляющее дрожать. – Не беспокойся, он не причинит твоей госпоже никакого вреда. Как раз наоборот, он здесь для того, чтобы сделать ей – и всей семье – очень выгодное предложение.

– Какого черта ты болтаешь?

– Мне не дозволено разглашать подробности, но мистер Ритчи очень высокого мнения о твоей мисс Беатрис и желает ей только добра. На этот счет можешь даже не сомневаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.